

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств имени
Святителя Алексия, митрополита Московского»

Кафедра зарубежной филологии Направление

подготовки 45.03.01 Филология

Направленность (профиль) «Зарубежная филология

(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

Перевод поэзии эпохи романтизма (на материале стихотворений Дж. Китса)

Выполнил студент 4 курса

группы ЗФ-401

очной формы обучения

Образцов Святослав

Дмитриевич

(подпись)

Научный руководитель

Фадеева Лариса

Юрьевна, кандидат

филологических наук,

доцент

(подпись)

Допустить к защите:

Заведующий кафедрой

«Зарубежная филология» _____ Фадеева Л. Ю.

«___» _____ 2022 г.

Тольятти

2022

**Автономная некоммерческая организация высшего
образования
«Поволжская академия образования и искусств имени
Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра Зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01

Филология

Направление подготовки 45.03.01 Филология

Направленность (профиль): «Зарубежная филология (английский язык и
литература; теория и практика перевода)»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой _____

(подпись)

(И.О.Ф.)

«____» _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение бакалаврской работы

Студент: Образцов Святослав Дмитриевич

1. Тема: Перевод поэзии эпохи романтизма (на материале стихотворений Дж. Китса)

2. Срок сдачи законченной бакалаврской работы 14.06.2022

3. Исходные данные: научная литература, периодические издания, интернет-ресурсы

4. Содержание работы: введение, первая глава, вторая глава, заключение

5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала: таблицы

6. Дата выдачи задания «01» февраля 2022г. _

Научный руководитель

(подпись)

(И.О.Ф.)

Задание принял к исполнению

(подпись)

(И.О.Ф.)

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств имени
Святителя Алексия, митрополита Московского»

Кафедра зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология

Направленность (профиль) «Зарубежная филология

(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой _____

(подпись)

(И.О.Ф.)

« ____ » _____ 20__ г.

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

выполнения бакалаврской работы

Студента Образцова Святослава Дмитриевича

по теме «Перевод поэзии эпохи романтизма (на материале стихотворений
Дж. Китса)»

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении
1.	Поиск и анализ литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	01.02.22	01.02.22	Выполнено
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	10.02.22	10.02.22	Выполнено
3.	Написание разделов ВКР	06.05.22	06.05.22	Выполнено

	Введение	01.03.22	01.03.22	Выполнено
	1 глава	25.04.22	25.04.22	Выполнено
	2 глава	06.05.22	06.05.22	Выполнено
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	11.05.22	11.05.22	Выполнено
5.	Оформление работы	17.05.22	17.05.22	Выполнено
6.	Предзащита бакалаврской работы	18.05.22	18.05.22	Выполнено
7.	Исправление замечаний	01.06.22	01.06.22	Выполнено
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	14.06.22	14.06.22	Выполнено
9.	Получение отзыва от руководителя	11.06.22	11.06.22	Выполнено
10.	Получение справки о проценте оригинального текста	07.05.22	07.05.22	Выполнено
11.	Подготовка доклада и иллюстративных материалов для защиты	14.06.22	14.06.22	Выполнено
12.	Изучение отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания	11.06.22	11.06.22	Выполнено

Научный руководитель _____

(подпись)

(И.О.Ф.)

Задание принял к исполнению _____

(подпись)

(И.О.Ф.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. Поэзия эпохи романтизма.....	9
1.1. Литературные особенности поэзии в период романтизма	9
1.2. Вклад Джона Китса в мировую поэзию.....	29
Выводы по первой главе.....	37
Глава 2. Особенности перевода поэзии эпохи романтизма на материале поэтических произведений Дж. Китса.....	38
2.1. Своеобразие перевода художественных произведений	38
2.2 Исследование способов перевода поэтических произведений Дж. Китса	49
Выводы по второй главе.....	64
Заключение	66
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	68

ВВЕДЕНИЕ

Романтизм является доминирующим литературным направлением с конца XVIII в. до середины XIX столетия. Первое упоминание о романтизме связано с Германией. Именно на территории данного государства сформировался первоисточник континентального романтизма. Впоследствии романтическое течение развилось и получило большую популярность в Англии и Франции, а также и в ряде других стран.

В настоящее время, несмотря на эпоху турбулентности, романтизм остаётся одним из самых влиятельных течений в мировой литературе, благодаря многим бессмертным произведениям знаменитых писателей, увековечивших собственные имена признанными шедеврами пышности слога.

Характерные черты, присущие романтизму, заключаются в смутном томлении по идеальной действительности, гармоничной жизни и искусства. Возрастающее осознание недостижимости идеала приводило романтиков к пессимистическому мироощущению, или так называемой «мировой скорби».

Писатели-романтики уносились мечтой к феодальному миропорядку, оставляя понурый мир капиталистического строя. Поэты и писатели эпохи романтизма вдохновлялись живописными природными пейзажами гор, морей, старинных замков, яркими эмоциями и загадочностью потустороннего мира.

Актуальность бакалаврской работы обусловлена проблематикой исследования романтизма как общего литературного течения и более детальным рассмотрением данного направления литературы на основе творчества английского поэта-романтика Джона Китса.

Объектом работы являются поэтические произведения Джона Китса.

Предмет исследования составляет специфика перевода романтической поэзии Джона Китса.

Целью работы является манифестация особенностей и способов перевода поэзии романтизма на примере поэтических произведений Дж. Китса.

Цель работы обусловила решение следующих **задач**:

- 1) изучение отличительных черт романтического течения в Англии и Германии;
- 2) выявление особенностей художественной литературы в эпоху романтизма;
- 3) актуализация значимости произведений и вклада Джона Китса в мировую художественную литературу;
- 4) систематизация специфики перевода художественных произведений;
- 5) исследование способов перевода поэтических произведений Джона Китса.

Теоретическая база исследования представлена в работах В.Н. Комиссарова, В.Е. Хализева, И.В. Арнольд, А.А. Прониной, В.Б. Шаминой и других исследователей.

Методами исследования являются метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ, описательный метод, метод трансформационного анализа.

Материалы исследования репрезентированы стихотворениями Джона Китса: “Ода к Осени”, “Ода Греческой Вазе”, “Ода Соловью”, “Ода Фанни”, “Современная любовь”, “День прошёл и все с собой унёс”, “К Надежде”, “Эндимион”, “Ламия”.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов исследования на занятиях по стилистике и практическому курсу перевода художественной литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Поэтические произведения Джона Китса как представителя романтизма характеризуются такими излюбленными лейтмотивами, образами, идеями, как: чувства и состояния души, причем в основном вызванные созерцанием окружающего мира, особенно природы;
2. для обеспечения репрезентативности и оптимизации качества поэтического перевода необходимо использовать третий уровень эквивалентности и широкий спектр переводческих трансформаций.

Структурно выпускная квалификационная работа включает в себя введение, две главы, заключение, список литературы и приложения.

Во введении обосновывается значимость и актуальность выбранной темы, указываются объект, предмет, цели, задачи, методы исследования, теоретическая база и практическая значимость работы.

Первая глава «Специфика художественной литературы в эпоху романтизма» посвящена анализу и обзору литературы по данной теме. В первом параграфе рассматриваются особенности художественных произведений в эпоху романтизма. Вторым параграфом посвящен изучению значимости поэтических произведений Джона Китса в мировой художественной литературе.

Вторая глава «Особенности перевода поэзии эпохи романтизма на материале поэтических произведений Дж. Китса» посвящена переводческому анализу поэтических произведений в эпоху романтизма. В первом параграфе систематизируются основные аспекты перевода произведений художественной литературы. Во втором параграфе исследуются способы перевода поэтических произведений Джона Китса.

В заключении приводятся итоги исследования, приводятся выводы.

Библиографический список включает в себя 57 источников.

Глава1. Поэзия эпохи романтизма

1.1. Литературные особенности поэзии в период романтизма

Романтизм является уникальным созданием в области человеческой культуры. Сюда можно отнести множество творческих направлений. Романтическое направление считается настоящим культурным механизмом, увидевшим свет в конце XVIII в. Расцвет продолжался до второй четверти XIX в. Особое значение в эпохе романтизма отводится литературному направлению, сформированному в Германии, где поэзия немецких авторов облекалась романтической философией.

Романтизм создавался и обогащался новыми литературными произведениями. Данное направление особенно ценилось и развивалось во Франции, также Германии и Англии. Эпоха Просвещения уступила место романтическому направлению. Однако, стоит отметить, что затронутый исторический этап является рационалистичным, опираясь не на утопично-мечтательный образ воображения, а на реалии рассматриваемого исторического промежутка книжной учености и объективности [15, 24, 30, 31].

Описываемый жанр содержал особенности, характеризующие томление свободолюбивой личности по высшей, идеальной действительности по совершенной гармонии жизни искусства. Просветительская догматика опиралась на просветительские, основанные на рациональном познании мира идеалы, сыграла немаловажную роль в предтечи Великой французской буржуазной революции [12, 13, 14].

Образованные жители европейских стран разделяли вышеизложенное течение и строили жизнь в соответствии с причинно-следственными связями. Примечательным выступает факт, что многие писатели Царской России такие как М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин., выступали за просветительские идеи, таким образом, разделяя создаваемые новшества представленной эпохи в литературе. Тем не менее, каждое культурное движение, находившееся в зените развития, постепенно с течением времени начинает уступать позиции новым аксиологическим ценностям, принимаемых общественными взглядами на новые тенденции в искусстве. Таким образом, новая романтическая эпоха восторжествовала [34, 35, 36, 38].

Стоит обратить внимание на нежелание поэтической аудитории принимать неизвестную парадигму. Вследствие представленных данных, романтическое направление получило название предромантизма, зародившегося изначально в Германии. К творчеству взятой во внимание литературной эпохи характерно отнести произведения Ф. Шиллера: «Дон Карлос» и «Разбойники».

Здесь можно подчеркнуть пережитки постепенно угасшего направления на основе значительного произведения романтизма в просветительской драме «Дон Карлос», содержащая отпечаток гуманистического, ораторского пафоса. Несмотря на приведённый аргумент, антиподом выступает стремление Шиллера выйти из рамок Просвещения [38, 39].

Свободный от предрассудков и ложных суждений человек в эпохе романтизма выступает бунтарем не только против концептуальных размышлений во время просвещенческого мировосприятия, а также против тяготивших наивысшую свободу рассудка – наземное, лишённое возвышенных мечтаний существование и идеальной действительности сложившегося общественного порядка. Бунт по Ф. Шиллеру отождествляется с благородным чувством.

Выявленный аспект творчества сближает автора с понятием романтизма. К предромантизму следует отнести произведения известного французского автора Ж. Ж. Руссо. В рассматриваемый отрезок исторической эпохи литературное наследие отмеченного писателя можно отнести как к эпохе Просвещения, так и к новому направлению в литературе и культуре – романтизму [60, с. 5 – 7].

Романтизм с предельной открытостью и декларативно-броской дерзостью бросил вызов просветительскому рационализму. С учетом широты и многогранности проявлений романтизма в различных культурных сферах нелегко полемизировать об общепринятых романтических началах. Тем не менее, веским аргументом, позволяющим описать романтизм в общих чертах, является открытие такого феномена в философии как метафизики [39, 48, 49].

В рамках романтического мирового образа не существует мира как понятной и постижимой целостности детерминированной, определенной совокупностью причинно-следственных связей.

Романтизм зиждется на основах метафизического понимания окружающего человека мира. Земной мир озарён светом, идущим от Бога, а также ощущается наличие злокачественного влияния темной стороны мира. В романтизме личность человека претерпевает волнения от неустанного выбора на фоне хороших и плохих решений [46, 47].

Каждый определенный шаг считается движением в сторону высшего метафизического Добра или Зла. Стоит заострить внимание на том, что вышеописанный атрибут предромантизма породил специфическую валентность в понимании романтизма в литературе [60].

Невзирая на значимость романтизма в литературе, эпоха названного направления длилась непродолжительное время. Следы романтизма прослеживаются в литературных произведениях Оскара Уайльда, Редьярда Киплинга, Мориса Метерлинка и Марины Цветаевой [9, 11].

Романтизм имеет двойственную природу, так как вырос из начальных предпосылок, появившихся на основе растущего осознании недостижимости идеала и неуважения священных прав личности во время феодального миропорядка, что представляет несомненный интерес для рассмотрения учеными такого феномена в литературе.

Большое влияние оказал немецкий романтизм. Становление романтизма в Германии обусловлено особой философской средой, содержащей вдохновенный порыв и мечтательное видение мира.

На данном этапе получили развитие наиболее известные школы – Йенская и Гейдельбергская [16]. Согласно историческим данным, возникновение Йенской школы произошло на базе Йенского университета. Натурфилософия знаменитого немецкого мыслителя Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга, по мнению Н. Я. Берковского, «...рассматривала мир природы как некое непрерывное творчество. Мир для него был творчеством, а не собранием отдельных вещей – законченных, отложившихся друг от друга»; следовательно, «жизнь есть творчество, никогда ни на чем не успокаивающееся, не может иметь ни начала, ни конца» [12, с. 16]

Такое представление мира насыщено метафизической трактовкой, не терпящей причинно-следственных связей и обусловленности эпохи Просвещения. Также из представителей раннего континентального романтизма стоит отметить творчество Августа-Вильгельма Шлегеля, Новалиса, Людвиг Тика, В. Г. Вакенродера. Протагонисты Йенской школы воспринимали окружающий мир, словно эфемерно-турбулентную сферу, где все подвержено непрерывным изменениям [17, 20].

Наибольшее значение для Йенских романтиков имели музыкальное искусство и природная среда. Природа рассматривалась как незаконченность мироздания, а музыка выступала олицетворением жизни. Тем самым, представители Йенского течения увлекались произведениями писателей, искавших источник воодушевления в метафизике.

Предполагаемыми предшественниками движения Йенских романтиков рассматривали Вильгельма Иоганна Вольфганга Гёте, Мигеля Сервантеса де Саверда и Уильяма Шекспира. В силу детерминистской обусловленности миропорядка классицистическая литература, а также литературные труды эпохи Просвещения не занимали высокого места по мнению последователей Йенской школы, вследствие преобладания рационализма [13].

Более того, Йенские романтики, не питавшие ни малейшего пиетета к эпохе Просвещения, причисляли Вальтера Скотта, Лессинга и Шиллера к представителям предромантизма. Согласно научной трактовке Н. Берковского «В Шиллере они видели черты просветительства, рационализма, вследствие данной сути вещей Шиллер считался неприемлемым для романтизма» [14, с. 9].

Примечательной чертой, выступающей против романтизма, оказался человек, не разделявший научного просвещения и стремления интересоваться литературой и искусством, впоследствии получивший название филистер. То есть, такой человек охарактеризован невежеством, нерадением и отсутствием стремления выйти за рамки обусловленности причинно-следственных связей, что всячески отражалось в пафосе немецкого романтизма.

Помимо вышеописанной Йенской романтической школы особое место занимает Людвиг Тик. Романтический завуалированный иронический смысл в комедии «Принц Цербино» и «Кот в сапогах», отождествляется с броским и решительным филистерством [60, 70, 71].

Художественное пространство творческого обогащения автора подчеркивается сказочным представлением с одной стороны, а с другой придает данному представлению мира филистерское забвение.

Отождествляемым для представителей данной школы является ощущение неопределенности, незаконченности, шаткости построения мира. Также стоит отметить известного романтика Новалиса. Творчество Барона Георга Фридриха Фрайхера фон Харденберга под псевдонимом Новалис

выражается стремлением описать романтические и эмоциональные переплетения в возникающей любви между персонажами, а также размышлять о смерти [7].

Вдобавок, наряду с Йенской особое место в немецком романтизме занимает Гейдельбергская школа, где протагонисты описываемого направления в литературе имели цель присоединить Германию в необъятные просторы метафизики [56].

Следовательно, можно с несомненностью указать на решительность выделить щепетильное внимание к универсализмам национального духа Германии в контексте метафизики. Немецких романтиков затронутого века волновали трансцендентные вопросы потустороннего мира.

Также не стоит упускать из вида то, что названная школа романтизма оказала значительное влияние на становление национального самосознания жителей Германии, тем самым, данную особенность проявляется в немецком менталитете. Важно принять во внимание, что Германия в годы развития Гейдербергской школы находилась в состоянии национально-освободительной борьбы под гнетом Наполеона [14].

Такие события послужили большей сплоченностью немецких граждан. Однако, в стране наблюдались крайности национализма. Согласно трактовке Н. Берковского, «гейдельбергских романтиков ушибли немецким национализмом и страшно оттеснили от остальных предполагаемо развивающихся точек зрения по данной проблеме» [14].

Несмотря на многие сложности, коснувшихся жителей Германии, неоспоримым вкладом, привнесённым в мировую культуру Гейдельбергской школы стало исследование фольклора Германии. К представителям Гейдельбергской школы можно отнести братьев Якоба и Вильгельма Гримм. Данные писатели считаются известными филологами [60].

Ссылаясь на творческую направленность выдающихся писателей можно обратить внимание на обобщенное собрание сказочного фольклора.

Узнаваемые во всем мире «Детские и домашние сказки» братьев Гримм приобрели народный эталон.

Литературные труды авторов переплетаются с народным творчеством Германии, созданным Людвигом Ахима фон Арнима и Климента Брентано, где писатели заострили интерес в сборе и обработке народных песен «Волшебный рог мальчика» [16].

Также не стоит забыть о творчестве Адальберта Шамиссо, написавший удивительную повесть, названную «Необыкновенная история Петера Шлемиля». В данном литературном произведении писатель построил сюжет на описании приключений незамысловатого, добродушного и жизнерадостного Ганца, изображённый в сказке как Петер Шлемиль [56].

В данном литературном произведении наблюдается явная нацеленность автора на метафизическую трактовку существующего мира, помимо материальной стороны земной жизни. В соответствие с вышеописанным одним из наиболее пропитанных народной трагедией в сфере романтизма стал Генрих фон Клейст.

Здесь читатель может обнаружить необычайность романтического построения жизненных условий человека с фигурирующим конечным итогом симбиоза творческого начала и судьбоносных событий. Драмы Генриха фон Клейста содержат отринутое от гармоничного наслаждения жизнью трагическое мироощущение в перспективе метафизической полемики. Данное понимание вложенного призыва в произведениях писателя хорошо отражены в созданных драмах «Роберт Гискар», «Кетхен из Гейльбронна», «Пентесилея».

Представленные драмы имеют корреляционную связь с жизненными обстоятельствами писателя Генриха фон Клейста. Автор рассуждает в приведённых литературных произведениях на основе пессимистического мирозерцания [43].

Чувствуется отсылка к безвыходности ситуации и бессилием перед сложившимися событиями, где за основу может выступить экзистенциальная основа видения мира.

Любовь отражается романтиком как внезапное трагическое оледенение, не влекущая чего-либо хорошего в будущее. Любовь, по замыслу Генриха фон Клейста, жестока и безжалостна. Романтический архетип увидел воплощение в жизни благодаря творческим созданиям Шиллера.

Особенное влияние на Г. фон Клейста получила драма «Разбойники» Ф. Шиллера, где сформировалась свободолобивая жизненная позиция главных героев и необузданность в принятии опрометчивых и скороспелых решений, несмотря на враждебно настроенное общество.

Однако литературное наследие Клейста ознаменовано своеобразным преломлением, именно в «Роберте Гискаре», отражающей не разбойнические повадки персонажей, а личный натиск воплотить намеченную идею и вершить жизнь, невзирая на превратности неблагоприятных условий, решиться на отважный, отчаянный шаг, действуя фаталистически ради достижения целей и насыщения похоти.

Сюжет романтической новеллы «Михаэль Кольхаас» предвосхищает основное содержание повести «Дубровский» А.С. Пушкина. Также можно провести параллель вместе с литературным трудом М. В. Гоголя «Повесть о капитане Копейкине» [42].

В орбитальном центре затронутых произведений фигурирует законопослушное, в дальнейшем, под действием факторов, изменённое законопослушным поведением, где порядочные и соблюдающие установленные нормы люди встают на тропу борьбы, бросая вызов рационалистическим основам бытия.

Попранные права личности уподобляются нарастающим стремлением мщения обществу и желанием заполучить желаемое любой ценой, однако честь и достоинство оберегаются героями произведений как зеница ока. В

рамках трагичности немецкого романтизма стоит обратить внимание на непреклонно безжалостную судьбу к Иоганну Гельдерлину.

На основе суждения И. Гарина, случай Гельдерлина - «единственный клинический случай, когда творчество живет дольше, чем рассудок; и совершенные творения искусства создаются разрушенным духом» [7, 9].

Здесь отчетливо прослеживается намёк на привнесённое в мир Иоганном Гельдерлином литературное произведение «Ночные песни», написанные в состоянии лишённого рассудка автора, однако, по мнению И. Гарина, творческое начало не покидает человека, даже в настолько сложном психическом отклонении [38, с. 165 – 169].

Для писателя характерна картина мира прекрасного места для существования. На данный момент времени подобное мировоззрение перестало существовать и стало не больше, чем утопией. Углубляясь в прошлое, романтизм фиксировал открытость миру, единство, полноту подлинных чувств, а затем – скольжение в бездну. В стихотворении «К природе» не трудно подчеркнуть вышеуказанное суждение:

Я тогда играл ещё безбрежным
Покрывалом тайн твоих, как друг,
В каждом тихом звуке сердцем нежным
Твоего я сердца слышал стук...
Солнце отвечало мне порою,
Сердца моего услышав зов.
В те года я звал звезду сestroю
И весну – мелодией богов [46].

Мироощущение в рамках настоящего времени автор выражается в следующем ключе:

Все мёртво, что прежде было мимо,
Умер мир моих белых чудес.
Как жнивье, пустынна и уныла
Грудь, вмешавшая весь круг небес [62].

Также можно найти мотив разрушившейся гармонии в следующих стихах поэта: «Родина», «Средина Жизни». В целом, утраченная юность, а также потерянная гармония настолько свойственны романтической поэзии, что обрели своеобразное клише.

Особое место в литературе романтизма занимает Эрнст-Теодор-Амадей Гофман. В произведениях писателя отслеживается прецедент, описывающий два мира, где наряду с присущему филистерскому миру, облеченному обыденностью и монотонностью ежедневной рутины существует и неземной, фантастически-параллельный мир, вторгающийся в действительный мир, разрушая устои и детерминированность, основанную на филистерстве. Данный феномен может наблюдаться в новеллах-сказках «Золотой горшок», «Крошка Цахес по прозванию Циннобер», «Песочный человек». В указанных произведениях автора таятся сказочная фабула и философский план. Такой подход Гофмана зиждется на земной реальности и абстрагированной потусторонней картины мира.

Одним из примечательных литературных трудов писателя служит воплощённый эксперимент в новелле-сказки «Крошка Цахес по прозванию Циннобер». Сюжетная линия выдающейся сказочной новеллы находится в фантастическом вихре, где благодаря вымышленным существам, а именно волшебству феи, крошечный персонаж новеллы Цахес улучил возможность обладать всеми достоинствами, оставаясь собой. Несмотря на данную чуть произошедшего, окружающие главного героя жители страдали от пороков и недостатков Цахеса.

Таким образом, полученные достижения названного персонажа являются в глазах населения нравственными и образцово-показательными: Цахес благодетельный и добродушный муж, одаренный красноречием превосходный оратор, мудрый правитель. Единственному Бальтазару удаётся развенчать завесу секретности догадкой истинной сути вещей, благодаря личному иррациональному видению мира, недоступной филистерскому

обществу. Также в произведении ставится экзистенциальный вопрос о существовании окружающей объективности реальной обстановки.

В сказочной новелле присутствует множество размежеваний между реальностью и трансцендентностью. Эрнст-Теодор-Амадей Гофман возвёл рассматриваемый эксперимент взявшегося во внимание несовпадения до абсолютного предела.

В добавление к вышеуказанному стоит отметить роман «Житейские воззрения кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах». Взятое в рассмотрение литературное произведение написано в форме дневника, где отражены размышления представителя музыкальной сферы Иоганнеса Крейсlera и дневниковые записи и мысли кота по имени Мурр.

Здесь писать показывает читателю через призму иронии своеобразное мироощущение и картину мира с позиции кота Мурра, идентифицирующий собственную личность как настоящий романтик [16, 18].

Отсюда презрительное отношение к представителям филистерства. В творчестве писателя также можно увидеть стремление к романтической дружбе и любви и творческому подходу, где значительное место вершине литературных трудов автора отведено трагедии «Крысиный король Кавдаллор».

Романы-сказки Гофмана пропитаны романтической иронией. Эрнст-Теодор-Амедей Гофман, остаётся романтикам, как и многие другие представители романтической эпохи- Д. Байрон, Р. Сакти, А. де Мюссе, Э. По. Автор пересоздавал иронически закоренелое стереотипное мышление филистерства. Гофмановский кот Мурр, несомненно, романтик, изображаемый с симпатией.

Трудный для восприятия синтез самокритики романтизма и рассматривание такого феномена извне, иногда не знающий жалости и пощады, что во многом определяет творческую направленность Генриха Гейне. Творческая позиция писателя рассматривается как постромантизм.

Автор пишет, что всецело вырос в тесном соприкосновении с романтизмом. На основе собственной позиции Генрих Гейне утверждает: «Несмотря на мои истребительные походы против романтизма, однако в душе всегда оставался романтиком» [57, с. 18]. Поэтическое творчество Гейне, беря отправную творческую точку писателя с поэтического сборника «Цикл песен», написанный в 1827 г., заканчивая финальным «Романсеро», законченным в 1848 г. С одной стороны, немаловажно выделить то, что гейдельбергское внимание перед таинственностью и метафизической насыщенностью немецкого народного фольклора, с другой – откровенное пародирование фольклорных клише, где следует указать на пародийную балладу «Зловещий грезился мне сон».

С другой стороны, экзальтированные романтические скачки перед началом революционной бурей, описываемый как антифилистерский пафос народного движения:

Нет, лучше мерзостный порок
Разбой, насилие, грабеж,
Чем счетоводная мораль
И добродетель сытых рож [39, с. 116].

Невзирая на приведённые строки, наполненное иронией и сарказмом социалистические клише в сатирической поэме «Атта Троль», где изображается танцующий медведь-революционер – аллегорически представленный как социалист:

Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нёс в груди косматой.
Иногда зело вонял он, -
Не талант, зато характер [60, с.19 – 20].

Таким образом, поиски божественной мудрости с одной стороны, и постепенно угасающее богоборчество с другой явно показывает читателю компромисс в парадоксальном предсмертном высказывании писателя: «Когда лежишь на смертном одре, становишься чувствительным и мягким, и

хочется заключить мир с Богом и миром... Как с созданиями Господа так и с самим Творцом я заключил мир к великому неудовольствию собственных просвещенных друзей» [42, с.20].

Исходя из сложных тонкостей немецкого предромантизма и получившего последующее развитие романтизм, можно подытожить, что романтический патриотизм в духе традиций Гейдельбергской школы, вполне искренняя и добросовестная задача увидеть в Германии метафизическое величие.

Однако, обратная сторона медали ясно указывает на критическую рефлексию по отношению к Германии. Несомненно, стоит подчеркнуть двойственное чувство Гейне по отношению к Германии, содержащее как любовь, так и ненависть к родной стране.

Английский романтизм наблюдал отличительное постепенное становление, в отличие от немецкого романтизма. В XIX веке Великобритания сложилась как буржуазное государство, где большое значение заключалось в предоставлении человеку безопасности и защищенности государством.

Впервые данные понятия такие как неприкосновенность частной собственности, личности человека, защита прав и свобод личности увидели свет благодаря Джону Локку, английскому родоначальнику либерализма, юристу и философу.

Однако, касаясь литературного романтического направления, образовалось неоднозначное понимание романтического направления в литературе Англии, несмотря на государственный протекторат, суливший защищать людей от беззаконности и ущемления. Городское население, а именно писатели затронутой эпохи столкнулись с одиночеством, отринутым чувством от целостного мироздания.

Такое отчуждённое ощущение воспринималось как универсальное, что привело писателей к экзистенциальному мировоззрению. Творчество П. Б. Шелли хорошо отражает такую оставленное Богом земное бытие.

Многие поэты-романтики пытались восстановить утраченный мир. Литературные труды Д. Г. Байрона содержат борьбу личности с зыбкостью и хмуростью, окружающих индивида в сложном материальном мире. Поэт выдвигал на первый план борьбу с антагонистическими противоречиями, а также тираническим режимом против свободолюбивой личности, желавшей унести в феодальную эпоху от обыденности миропорядка и шаткости человеческой жизни.

В добавление стоит подчеркнуть, что на данный момент романтиков увлекали разрушенные исторические замки, сложные для понимания загадки сверхъестественного бытия, недоступного человеческому глазу, а также мечтательное пребывание в живописных пейзажах горных вершин и морских берегов.

Такие чувства воодушевляли романтиков на создание множества поэтических шедевров, соприкоснувшихся со внешним миром, оставивших неизгладимый след в литературе.

Восхваляющая пропаганда свободной и оставленной личности, способной увидеть первоначальный этап воплощения и развития земного мира и провозгласить собственную независимость от Бога, однако одновременно имеющей обременительное стремление к личной свободе воли и одинокого скитания по земле.

Такое нелегкое эмоциональное переплетение, ощущавшееся поэтами эпохи романтизма, отразило разнородность ощущаемых градаций в развитии английского романтизма.

Предвестник романтического направления в английской литературе стал Вильям Блейк. Рассматриваемый поэт считался, по мнению наблюдателей, лишенным рассудка во время литературного творчества. На основе изречения Ж. Батая, «Блейк не был сумасшедшим, но всегда ходил по краю безумия». В. Блейк представляется читателю иррациональными видениями и откровенными мыслями. Поэт утверждал, что слышал голоса с

небес. Перед писателем открывали взор лик Вергилия, Данте Алигьери, Мильтона, Гомера, Одиссея [7].

У. Блейк придавался воспоминаниям: «Однажды увидел я объятого пламенем Дьявола, который предстоял Ангелу, восседавшему на облаке; и говорил Дьявол» [7].

Высшее Добро и высшее Зло, постоянно присутствующие в мировоззрении В. Блейка, заставили писателя полностью проникнуться восприятием в воображаемую картину, ставшую чем-то реальным. Цикл «Песни невинности и опыта, показывающие два противоположных состояния человеческой души». В «Песнях невинности» выступает главным элементом добро, бросающее свет на неблагоприятные события и страдания земной жизни. Сквозной образ в «Песнях невинности» - образ просветленного младенца. В «Песнях опыта» появляется мотив осквернённого добра, появляется образ осквернённого младенца.

Любопытство экспертов приковано к творчеству В. Блейка вследствие не покидающего внимание автора к темной стороне земного бытия, что, по мнению автора, неотделимо от добра. Поэт воспринимает находящиеся в неразрывном состоянии антиподы – добро и зло; небо и ад; Бога и дьявола. Перечисленные понятия являются целостным мирозданием.

Одно из самых знаменитых стихотворений автора – «Тигр», отражающее экзистенциальную проблему личности. Автор доносит до читателя, что границы зла не измерить, так как видимость такого понятия размыта, вследствие взятого во внимание данного суждения тяжело верить в победу добра в страшном и хрупком человеческом мире.

Рассуждая иначе, писать верит, что мир, наполненный людьми, принадлежит врагу. Исключительная метафизическая насыщенность в творчестве В. Блейка выступает главным постулатом на пути к вечности [6, 8].

Особенное место в литературе английского романтизма занимает «озерная школа», получившая описываемое название, поскольку главным

вдохновителем поэтов-романтиков стал В. Вордсворт, живший вблизи известного озера.

Поэты, входившие в озерную школу, считали В. Вордсворта наставником. Озерная школа считалась живописным местом, где молодые писатели черпали воодушевление на создание романтических произведений.

Самыми выдающимися фигурами являлись В. Вордсворт., С. Т. Кольриджу Р. Саути. Самой сильной точкой соприкосновения тонкого мироощущения представителей «озерной школы» служит догадки метафизических, потусторонних реалий, проникающих в потаенную от смертного взора пелену секретности, где центром пристального внимания романтиков служит кульминация зла и добра. Д. Г. Байрон презирал школу «лейкистов», считав, что в мире следует давать волю бунту, вызову и несогласию, когда пропагандисты «озерной школы» выступали за веру в создание материального мира Богом.

Все движимые различными причинами события зависят от воли Всевышнего. Таким образом, «лейкистов» очаровывала мысль обратить взор на подлинность сокрытого, не доступного чувствам восприятия человека потустороннего мира.

В особенности прослеживается метафизическая насыщенность в творческих работах С. Т. Кольриджа. Согласно личной позиции известного русского ученого Н. Берковского, считается, что романтизм в Англии претворен в жизнь двумя поэмами автора. Писались обе поэмы практически в одно и тоже время: «Сказки о старом мореходе» и «Кристабель».

В «Кристабели» повествуется о вхождении темной стороны в светлый мир. Согласно общей идее, вложенной в сюжет данного произведения главный герой спасает девушку, явившуюся олицетворением зла. Фигурирующий персонаж вносит девушку в замок, где царили добро и безмятежность.

Примечательной чертой выступает то что, убереженная от смерти молодая девушка отождествляется с Библейским сюжетом о проникновении

змеи в рай с целью соблазнить сотворённого Господом Адама истиной земных знаний [61]. В «Сказании о старом мореходе» также в изначально защищённый от пагубных и смертоносных последствий мир вторгается злая материя.

На основе разворачивающихся событий в поэме зло обрушивается на корабль. Созерцанию Старого Морехода представляется картина гибнущей команды от жажды и голода. Такое приключившееся несчастье, по мнению С. Т. Кольриджа, основано на метафизической трактовке Божьего Суда. Стоит обратить особое внимание на то, что суд людей на земле предстаёт перед читателем не больше, чем случайностью.

Помимо литературных трудов упомянутых писателей-романтиков видное место на бастионе романтического направления в литературе занимает творчество У. Вордсворта. Данный писатель разделял позицию входящих в озерную школу поэтов, что мир сотворён Богом. По У. Вордсворту земной мир наделён разумностью и справедливостью, поскольку существует по замыслу Творца. Согласно поэтическому творчеству автора видится образ ребёнка, вбирающего окружающий мир абсолютно, с легкомысленной инфантильностью, не чувствуя причастия к грехопадению человека.

Детское восприятие у поэта – высшая форма выражения собственного мироощущения [28]. В балладе «Нас семеро» с точки зрения Н. Берковского: «Поэт спрашивает у девчонки, сколько у них в семье детей. А она все твердит: семеро, семеро. А потом оказывается, что-семеро-то семеро, но с матерью живет только она одна. Двое ушли жить в деревню, двое служат во флоте, а двое умерли. Он говорит: “Как же: выходит, пятеро вас. А она – семеро”». Оказывается, что в рамках простодушного детского сознания, говоря словами Н. Берковского, «нет смерти и на кладбище жизнь продолжается», и потому умершие брат и сестра на самом деле не умерли, «это у них другая жизнь» [50].

Далее стоит рассмотреть литературное творчество Р. Саути, где творческим постулатом названного писателя, в противовес С. Т. Кольриджу, служит характерная, довольно примитивная концепция совершения злодеяния и следующего возмездия. Отсюда можно выделить балладу «Суд божий над епископом». Ядром для развития сюжетной линии баллады Р. Саути определил легенду о епископе Гаттоне.

В произведении главному герою удастся заманить голодающих бедняков в сарай и облегчить страдания нищим, обременённым голодом. Однако, вследствие такого злодеяния, мыши съели главного персонажа в качестве последовавшего возмездия за совершенное преступление. В следующей балладе «Предостережение хирурга» - заключается похожая композиция. В роли злодея выступает хирург, похищавший с кладбищ мертвые тела для экспериментов и возмездного момента.

В конечном итоге тело самого хирурга попало в руки собственным ученикам для совершения экспериментов. В затронутой балладе, как и в «Суде Божьем над епископом», появляется предвестие возмездия: в первом случае взору епископа является съеденный мышами портрет, а в сюжетной линии «Предостережения хирурга» появление учеников у смертного ложа хирурга.

Таким образом, Божья десница, преодолевая все преграды, заключает преступника в объятия правосудия. Подобное развитие событий так же наблюдается в балладах Р. Саути, где личная пародия – ярко выраженный элемент. В балладе «Король крокодилов» композиция совпадает с рассмотренными предыдущими произведениями.

Романтический писатель, отрицавший мировоззрение поэтов «озерной школы», явился Д. Г. Байрон. «Дон Жуан» самый известный роман в стихах данного писателя-романтика.

В соответствии с сюжетной линией «Дон Жуана» прослеживается параллель сюжетного замысла в «Сказании о Старом Мореходе», где так же представляется ситуация штиля и голода на судне, переправляющим Дон

Жуана. Хотя матросы в произведении Д. Г. Байрона со спокойствием ждут последнего мгновения и укоризненно взирают на виновника произошедшего несчастья – Старого Морехода.

Нежелание Д. Г. Байрона следовать представителям «озерной школы» заключается в неразделенной точке зрения с другими поэтами на примирение с жизненными условиями, окружающих человека.

Творчество описываемого поэта пронизано воинственностью и сопротивлением сложившимся общественным порядком и течению жизни. Автор видит единственную возможность противостоять текущему укладу жизни благодаря бунту.

По размышлению Д. Мережковского творчество писателя оказало существенное влияние на воплощение литературных трудов М. Ю. Лермонтова [24].

Согласно Д. Г. Байрону: романтическая личность независима и самоценная, готовящаяся при любой возможности вступить в противоречие с обществом и установленными порядками, отсюда можно наблюдать как писатель питает презрение к аристократическому обществу. Поэту пришлось покинуть Англию в 1816 г., чтобы принять участие в национально-освободительном движении в Греции против турецкого владычества.

В другом литературном произведении поэта-романтика занимают особое место для наблюдения странствия романтической личности – Чайльд-Гарольда. Приведённая поэма рассматривается как свободное поэтическое эссе. Большую часть данной поэмы составляют рассуждения и замечания писателя, носящие сатирическую и ироническую экспрессивно-эмоциональную окраску.

Поэма «Чайльд-Гарольд» носит автобиографический характер, так как вполне отражает странствующую жизнь по землям Южной Европы и Азии самого Д. Г. Байрона. Именно данное литературное произведение дало начало галерее родственных романтических героев в русской литературе. Особенно такие мотивы хорошо показаны в произведении А. С. Пушкина

«Евгений Онегин». Описания характеров Чайлд-Гарольда у Д. Г. Байрона и Евгения Онегина у А.С. Пушкина имеют току соприкосновения [24].

Скитания пронизанной романтизмом личности легли в основу незаконченного романа в стихах «Дон Жуан», увидевшим расцвет написания в 1818 г. Примечательно отметить, что первый перевод «Дон Жуана» на русский язык сделан русским переводчиком Татьяной Гнедич во второй половине 1940-х гг.

Подводя итог, можно заключить, что немецкий романтизм оказал огромное влияние не только на развитие дальнейшего романтического течения, но и на литературу в целом. Романтическое течение в Германии стало межконтинентальным источником вдохновения для последующих поколений писателей в области чувственности, любовных порывов и бунтующих нравов против сложившихся порядков.

Для английского романтизма характерна сосредоточенность на проблемах развития общества и человечества в целом, острое ощущение противоречивости, даже катастрофичности исторического процесса. В то время как в Германии по преимуществу романтизм был связан с областью философии, этики и эстетики.

Идеи и настроения английского романтизма были предвосхищены в поэзии Уильяма Блейка, а также в сентиментализме и предромантизме. Непосредственно романтическое мироощущение в английской литературе представлено различными художниками, которые образуют разные течения в едином русле английского романтизма. Так, поэтами «озерной школы» идеализируется старина, добуржуазные, патриархальные отношения, представлено неприятие современного промышленного общества, воспеваются природа, простые, естественные чувства. Другие настроения характерны для творчества Байрона и Шелли. Это настроения борьбы и протеста. Двух поэтов объединяет политический пафос, резкое отрицательное отношение к существующему строю, сочувствие к угнетенным и обездоленным.

1.2. Вклад Джона Китса в мировую поэзию

В течение конца второй половины восемнадцатого и первой половины девятнадцатого веков в Европе происходил ряд событий, имевших политико-экономическую значимость. Возникшие последствия пережитых эпохальных революций и конфронтаций запустили толчок к нововведениям в литературной жизни множества писателей и поэтов, получивших широкую известность за воплощённые в жизнь труды возвышенного слога.

После Великой французской буржуазной революции многие поэты разочаровались в новом укладе жизни, что совершенно не оправдало ожиданий. В соответствии с многовековыми потрясениями, наложившими неизгладимый отпечаток на процесс литературного развития, писатели стремились найти отдохновение в наполненных подлинностью чувствах, искренней любви, неувядаемого воображения и яркой фантазии. Именно так в литературе возникло новое течение, покорившее большое количество читателей, а также вдохновило многих поэтов на обогащение литературной сокровищницы романтизма [7, с. 165].

Одним из наиболее читаемых и анализируемых поэтов английского романтизма является Джон Китс, принадлежащий к числу младшего поколения романтизма в Англии. Молодой поэт начал литературную карьеру довольно рано. Несмотря на то, что изначально Китс посвятил первые годы жизни медицинской науке, с течением времени будущий поэт-романтик осознал, что не желает изучать медицину, решив заниматься тем, что томило

и волновало сердце юного писателя, а именно посвятить жизнь литературному творчеству.

Наиболее глубокие и представляющие научный интерес работы Китса увидели свет в 1818 г. Юного поэта глубоко вдохновляла эллинистическая эпоха, проникнутая греческой мифологией. Так же представитель романтизма питал неподдельный интерес к мистическому мироощущению и эстетическому миросозерцанию, что определяло творчество поэта на основе искреннего и гармоничного наслаждения каждым жизненным моментом. Джон Китс уносился всей сущностью в самые отдалённые уголки разума и воспевал красоту природы так, как чувствовал, излагая мысли на основе собственного созерцания и необъятного воображения [7, с. 166 – 168]

Подлинное восхищение природной красотой воспето в оде Джона Китса «К осени», где романист облечен восторгом осеннего времени года, описывая чудесные изменения в природной среде, трогаящие сердца небезразличных читателей. Поэзия Джона Китса оказалась новаторской для английского романтизма. Творчество поэта привнесло культ эстетического наслаждения от земной красоты и настоящей, полной бездонности любви, как в поэме Китса «Изабелла или горшок с базиликом».

Более того, в литературном труде «Ода к греческой вазе» воспевается культ эллинистической эпохи Греции, так полюбившаяся впечатлительному поэту-романтику. В двух объемных поэмах «Эндимион» и «Гиперион» также проникнуты духом эллинизма [14, с. 169].

Таким образом, Джон Китс, погрузившись в греческую мифологию, размышляет о чувственной и полной светлости любви. Несмотря на сложность композиции составленной поэмы «Эндимион», все же раскрывающийся сюжет содержит лирически-задушевные отрывки, созданные автором на основе ясности ума и тонкости мысли, передаваемая сердечным переживанием юного романтика.

Джон Китс питал стремление увидеть идеал красоты во всем, что радовало сердце поэта. В приведённых произведениях отражена эстетически-чувственная теория, находящаяся в тонком соприкосновении с античностью.

Согласно обоснованной теории поэт-романтик видит земную красоту в каждом проявлении природы: будь то сменяющиеся времена года, либо происходящие физические явления такие как дефолиация в осенний период, эрозия скал под порывистым давлением бушующих волн безмятежного моря, погодные условия, влияющие на окружающую природную среду, вызывающие бурный восторг у писателя.

Тем не менее, несмотря на воспеваемую эстетику пантеизма, вдобавок автор искренне переживает вечный вопрос правдивой любви во всем человеческом проявлении. Верный возлюбленный, по замыслу Джона Китса, прельщен к избранной страсти вследствие широко развитого внутреннего мира, кротости поведения, чуткости ума, возвышенным вкусам, духовно-нравственным и моральным ценностям.

Представленные выше теоретические суждения подтверждают устремлённый идеал Китса в каждом природном и духовном проявлении. В подтверждении с остроумным афоризмом, обессмертившего собственное имя автора: «Красота есть правда, правда - красота. Это все, что человек знает на земле и что он должен знать». Помимо наложившего эллинистический оттенок на живописное полотно литературного романтизма Англии, молодой романтик приоткрыл ранее потаенную завесу мистицизма, что характерно овеяно в балладах и одах писателя.

Такой мистической тематикой обладает «Ода к соловью», где писатель не поскупился увенчать изображаемую красочную природу с меланхолической ноткой загадочного спиритуализма. Именно так Джон Китс пытается пламенно донести до читателя через созданные оды и баллады, что земная жизнь не заканчивается в момент последнего угасания искры в физическом облике, а что существует более утонченная, полная неопишемого воображения красота недоступная человеческому глазу, слуху

и чувствам. Неосязаемая и неподдающаяся смертному созерцанию красота выступает непреодолимым препятствием для талантливого и наделённого большой чувственностью романтика.

Невзирая на то, что при жизни поэт страдал от постоянно наседающей критики за создание литературных трудов, творчество поэта возвысилось баснословно после ухода писателя из жизни. Особенно юным гением романтизма восхищалось братство прерафаэлитов. На творческое обогащение прерафаэлитской школы романтик оказал огромное влияние. На сегодняшний день литературное наследие Джона Китса разделяет равные позиции с поэзией Джорджем Гордоном Байроном и Перси Биш Шелли [45, 50].

Не беря в счет то, что поэт за свою короткую, однако полную богатой фантазией и турбулентной эмоциональностью жизнь воплотил неувядаемые шедевры, входящие в бессмертное пристанище гениального письменного слова. Однако писатель разделял радикальное отношение к политике и религии вместе с Шелли и Байроном.

В основном Джон Китс полагался на собственные мироощущения и непоколебимую позицию в достижении познать теоретические с переходящей в практику проблемы искусства. Молодой поэт-романтик с пронизывающей трогательностью восхищался творческими трудами Эдмунда Спенсера и Томаса Мильтона, вследствие того, что сентиментальная возвышенность данных авторов передавала настроение меланхоличности и томления по неопишуемым красотам природного богатства.

Таким образом, влияние поэтов-сентименталистов воодушевило поэта находить вдохновенные идеи для создания личных литературных трудов в окружающей человека природе [14].

Один из критиков литературы, живописи театра, автор лирико-философских и психологических эссе, Вильям Хэзлитт, являвшийся одним из старших поколений романтиков, выступал против деспотических действий со

стороны правительства в эпоху Великой французской буржуазной революции 1789-1799 годов. Названный автор отмечал: «Поэзия есть универсальный язык, где сердце разговаривает с природой и с самим собой. Презирующий поэзию человек, не может уважать ни самого себя, а также ничего другое... поэзия сосредоточилась в центре предмета изучения и восторга человечества во все века... всюду, где чувствуется красота, сила, гармония... всюду живет поэзия. Поэзия не является видом сочинительства, а создана из вещества, взятого из самой жизни. Все остальное – пустота, мертвая буква. Поэзия жизни – единственное, что достойно памяти, поэзия жизни. Поэзия является прекрасной частицей внутри каждого человека. Поэзия расширяет, очищает, облагораживает, приподнимая существо человека; без поэзии и человек сравнивается с животным» [72, с.167].

Вследствие влиятельных художественных трудов Вильяма Хэзлитта, радикальная точка зрения юношеского психологизма у Джона Китса вытесняется желанием собственными усилиями дойти до зрелости благоразумного существования и сердечной полноты, пройдя через множество превратностей судьбы, являющиеся неотъемлемыми ради развития и становления поэта.

Джона Китса не радует более неопределенный либерализм Хэнта, одаренного журналиста, эссеиста, поэта и критика, друга молодого поэта-романтика. Собственная позиция Джона Китса начала расходиться с творческим путём Хэнта, поскольку излишек детальных описаний, подкупающих умилительных чувств, отсутствие понимания поэтической свободы, идущие вразрез с традиционным языком поэзии и применения разговорной речи попеременно с архаизмами, неологизмами и прозаизмами [73, с.169 – 172]

Отмеченное событие в жизни юного поэта стало кульминационной точкой. Поэтому автор решает избрать собственный путь. На основании данных поисков, такое стремление поэта-романтика хорошо отражено в поэме «Эндимион», создававшаяся в течение всего 1817 г. [50].

Главным объектом подготовки явились стихотворения, изданные в 1816 году, где хорошим примером служит «Я стоял на маленьком холмике». В данном стихотворном произведении впервые появляется образ Луны-Цинтии, вдохновительницы влюблённых.

Джон Китс питал неподдельный восторг к греческим мифам, вобранными в воображение поэта благодаря литературе английского Возрождения, что порождает у молодого талантливого романтика символическое толкование красоты природы [73].

Юный романтик также выражал восторг к богине Луне Эндимион. Молодой поэт представлял названную богиню поэтом, вдохновленным на создание стихов. Для Джона Китса прекрасное сияние богини Эндимион превосходит любое земное явление, таким образом повесть следовало написать. Объединение Эндимиона и Цинтии, по замыслу Китса, описывает счастье влюблённым и воодушевление поэтам [68, с. 168 –171].

Вследствие рассматриваемого прозорливого подхода молодого писателя видно, как Джон Китс стремится передавать полученный опыт и усвоенные знания не только зреющим поэтам, а также всему населению, что, несомненно, окажет влияние на молодое поколение в будущем. В стихотворении «Сон и поэзия» наблюдается отголосок автора, не уверенного в собственных силах, однако остающегося твёрдым в призвании, наделённым от рождения [12, с. 168].

В мифологическом представлении Джона Китса необходимо покинуть изящный мир, наполненный красотой, чтобы встать на путь благородный, где царят страдания людей. (...a noble life where I shall find the agony and strife of human hearts) [39].

На основе приведённых стихах отражаются пути вдохновения и фантазии, высоко парящих, а также бессильно понижающих. Поэма «Эндимион» вбирает основную тему и основную концепцию раннего творчества писателя: отталкиваясь от мира природы, воображение стремится к идеалу, а именно к Цинтии. Молодой поэт-романтик стремится найти

художественное совершенство. Несмотря на первые неудачи в данных поисках.

Впоследствии, юный автор отказывается от собственных амбиций, выбрав альтруистический подход в жизни. В конечном итоге, самоотверженность писателя увенчалась успехом: новая возлюбленная, оказавшейся царицей неба Цинтией, унёсшей молодого романтического поэта в непроглядную высь [63].

С течением времени Джон Китс сурово критиковал «Эндимион» по поводу незрелость мысли и неаккуратность. Однако юный романтик осознавал, что ошибки на пути поэта являлись неизбежной ступенью в развитии. Как отмечал Джон Китс: «Пусть это звучит парадоксально, но не моя вина, что получилось плохо. Самостоятельно, один, я не мог написать лучше. Если бы я нервничал и силился сделать из него совершенство и ради этого просил бы совета у других и дрожал бы над каждой страницей, я бы не сочинил ничего» [64, с.170].

К началу 1818 г. Китс приобрёл определенную систему взглядов на поэзию, воображение, законы творчества. Воображение в понимании Джона Китса – решающее свойство поэта. Только благодаря воображение, по замыслу молодого писателя, можно познать жизнь, истину и красоту. Наряду с известным английским критиком Уильямом Хэзлиттом, автор полагал, что высокое искусство не поддаётся влиянию окружающего мира, сохраняя непогрешимость и подлинность [65].

Джон Китс пишет: «Я могу быть убеждён в истинности чего-либо только, когда ясно вижу, что оно прекрасно», вследствие данного высказывания величие искусства усматривается молодым поэтом отстранить капа-либо помеху, мешающей истине и красоте. Автор уверен, что подлинная истина и красота таят огромную силу. Доступна данная сила только не ставящим осознанных целей писателям. В таком случае можно рассудить, что любое создание интеллектуального творчества по Китсу станет «другом человека, смягчая заботы и возвышая мысли» (...a friend to

soothe the cares and lift the thoughts of man). Немаловажно отметить, что Джон Китс прославляет интуицию. Писатель с нетерпением желает выяснить теорию волнующего вопроса. Вследствие затронутой проблемы, три аксиомы, созданной автором, увидели свет в научной романтической литературе. «Первая: я думаю, что поэзия должна поражать прекрасной чрезмерностью, но не странностью. Она должна впечатлять читателя как словесное выражение его собственных сокровенных мыслей и казаться почти воспоминанием. Вторая: в красоте не должно быть недоговоренности, от чего у читателя перехваливает дыхание, но не остаётся чувства удовлетворения; образы должны подниматься, двигаться и заходить перед ним естественно, как солнце, должны озарять его в роскошном полумраке. Но легче придумать, какой должна быть поэзия, чем создавать ее, и это приводит меня к следующей аксиоме: если поэзия не появляется так же естественно, как листья на деревьях, то лучше, если ее не будет вовсе» [66, с.172 – 173].

Таким образом, поэзия Китса, ее музыкальность и живописность, зрительная осязаемость ее образов, присущее ей обилие выразительных, красочных деталей, в которых передаются не только цвета, но и их оттенки, ее эмоциональная глубина были по достоинству оценены с большим опозданием. Истинное представление о роли Китса в истории английской литературы сложилось только в XX столетии. Именно тогда пришло понимание того, что его творчество оказало огромное влияние на многих поэтов викторианской эпохи. Дань Китсу отдал в своем раннем творчестве Альфред Теннисон, поэмами Китса зачитывались прерафаэлиты, а Уолтер Пейтер обоснованно назвал его предтечей эстетизма.

Выводы по первой главе

Согласно указанным материалам по особенностям литературных произведений эпохи романтизма на основе письменных трудов немецких и английских писателей-романтиков, в частности, творчества Дж. Китса наблюдается дерзновение передать противоречивую природу бунтующей природы романтической личности с умиротворенно-гармоничным духовным внутренним миром личности, что символизирует неотделимость Божественной природы в земной жизни человека.

Литературное наследие Дж. Китса привнесло не только новаторский элемент Эллинизма древнегреческой мифологии и культуры Эллады в классическую литературу Англии, а также наслаждение от эстетического ощущения поэзии.

Обосновывая подводящий итог, стоит отметить устремленную цель поэта-романтика распространить выраженную в одах и балладах красоту человеческого гения пережитой исторической эпохи Древней Греции для подрастающего поколения с целью обогащения духовно-нравственной основы внутреннего мира индивида.

Согласно изречению поэта: “В прекрасном – правда, в правде – красота, вот все, что знать вам на земле дано” [65], выражается аллюзия писателем к тексту Библии о вечном блаженстве утерянного рая, усеянное живописными красками, сотворенными Богом. Именно поэтому Дж. Китс указывает на невозможность бременного странствования человека созерцать

истинное величие красоты. Только небольшая крошечная частица доступна мироощущению, однако, по мнению писателя, такое видение земной красоты составляет только верхушку айсберга.

Подытоживая, стоит упомянуть, что романтический поэт пытался найти уединенности с природой для наиболее четкого понимания.

Глава 2. Особенности перевода поэзии эпохи романтизма на материале поэтических произведений Дж. Китса

2.1. Своеобразие перевода художественных произведений

Практическое исследование данной работы проводится на материале оригиналов стихотворений Джона Китса: “Ода к Осени”, “Ода Греческой Вазе”, “Ода Соловью”, “Ода Фанни”, “Современная любовь”, “День прошёл и все с собой унёс”, “К Надежде”, “Эндимион”, “Ламия” (15672 печ. знаков) и их переводов, выполненных С. Шиком, С. Сухаревым, В. Левиком, Е. Витковским, Б. О. Бастернаком, С. Александровским (18915 печ. знаков).

В течение господствующего романтического литературного направления. интерес читателей к творчеству Джона Китса, английского романтика эпохи романтизма, значительно возрос. Данный феномен не представляет удивления, вследствие желания у молодого поколения изучать труды письменного слова знаменитых писателей, а именно, в частности, Джона Китса.

Эллинистическая эпоха, а также присущая данному временному отрезку архаика, волновала ученых многие года. Также аллегорический художественно литературный приём с элементами средневековой истории делают творческую направленность данного автора поистине настолько уникальной, что Джон Китс стал символом английского романтизма, не

уступая Д. Байрону, П. Шелли, В. Скотту, У. Вордсворту и многим другим писателям взятой во внимание эпохи.

Одаренный от природы огромной чуткостью молодой поэт стремился отразить в собственных произведениях природную красоту, мировоззрение культуры эллинизма, а также загадочную диковинную жизнь обременительных страданий и светлой радости в жизни человека. Таким образом, объясняется множество архаизмов в созданных поэтом трудах, что несомненно усиливает эффект восприятия читателем затронутой эпохи Древней Греции и пережиток Средневековья.

Взятые во внимание архаизмы из произведений Джона Китса представляют для ученых большую ценность в исследовании творчества писателя. Так, например, в определенных строфах произведения писателя возвышенной поэзии «Ода Соловью» можно столкнуться со многими архаичными словами, переводимые с оригинала на русский язык благодаря разной эквивалентности перевода согласно В. Комиссарову:

O, for a fraught of vintage that hath been
Cooled a long age in a deep-delved earth,
Tasting of Flora and the country green,
Dance, and Provençal song, and sun-burnt mirth!
O, for a beaker full of the warm South,
Full of the true, the blushful Hippocrene,
With beaded bubbles winking at the brim,
And purple-stained mouth;
That I might drink, and leave the world unseen,
And with thee fade away into the forest dim:
Away! Away! for I will fly to thee,
Not charioted by Bacchus and his pards,
But on the viewless wings of Poesy,
Though the dull brain perplexes and retards:
Already with thee! tender is the night,

And happy the Queen-Moon is on her throne,
Clustered around by all her starry fays;
But here there is no light,
Save what from heaven is with the breezes blown
Through verdurous gloom's and windy mossy ways [61].

Также у переводчиков поэзии Джона Китса прослеживается размежевание в прагматической адаптации, средств связи при переводе с оригинала произведения на русский язык.

Вследствие поднимаемой проблемы, в переводе у Евгения Витковского, взору читателя представляются много влекущих внимание слов и словосочетаний. В приведённых строках можно обнаружить такие архаичные выражения как:

О, если б хотя глоток вина
Из глубины заветного подвала,
Где сладость южных стран сохранена-
Веселье, танец, песня, звон кимвала;
О, если б кубок чистой Иппокрены,
Искрящийся, наполненный до края,
О, если б эти чистые уста
В оправе алой пены,
Испить, уйти от счастья замирая,
Туда, к тебе, где тишь и темнота [56].

Hippocrene – в переводе означает волшебный источник в древнегреческой мифологии, образовавшийся на просторах горы Геликон. Пегас стукнул копытом о поверхность земли, тем самым, проходящие путники, напившись из сохранившегося углубления, заполненного водой, обогащались поэтическим даром.

Not charioted by Bacchus and his pards,

But on the viewless wings of Poesy. – в данном непростом случае перевода Евгения Витковского рассматривается компенсация с модуляцией во второй строке четвёртой строфы в произведении Ода Соловью.

Вследствие возникающей необходимости развесить следующую завесу секретности, Е. Витковский прибегает к пояснению изливаемых писателем чувств в данном в данном труде возвышенной поэзии, поскольку неподготовленный читатель не сможет понять, о чем идёт речь в рассматриваемом стихотворении:

Но прочь! Меня умчали в твой приют
Не леопарды вакховой квадриги, -
Меня крыла поэзии несут,
Сорвав земного разума вериги, -
Я здесь, я здесь! Кругом царит прохлада,
Луна торжественно взирает с трона
В сопровождении свиты звездных фей;
Но темен сумрак сада;
Лишь ветерок, чуть вечер с небосклона,
Доносит отсветы во мрак ветвей [68, 58].

В приведённом фрагменте на русском языке Оды к Соловью Е. Витковский использует модуляцию наряду с компенсацией, однако прояснить смысл написанного в оригинале выступает поистине непростой задачей. Вериги – в широком понимании железные цепи или оковы, применявшиеся с аскетическими целями, для держания под стражей.

Хотя в данном случае выражение – «..Сорвав земного разума вериги», использовано переводчиком осознанно в переносном значении. В соответствии с сопереживаемой картиной, Е. Витковский посчитал завуалировать зыбкую тяжесть и тленность хрупкого мира, описываемого поэтом-романтиком Джоном Китсом в выражение – «..Сорвав земного разума вериги» [69, 58].

Поэтому при переводе поэзии Джона Китса следует заострять особое внимание на мифологических аспектах, применяемых автором, представляющих наибольшую сложность в понимании для современного читателя.

В рамках поставленных целей, переводчики стремятся облечь возвышенно-поэтические строки Джона Китса в более воспринимаемом образе, не теряя возвышенности, отраженные в стихах поэта-романтика, а также донести и не исказить передаваемый смысл и контекст.

Однако, несмотря на установку переводчиков, такая задача является весьма непростой. Поэты Англии в эпоху развития романтизма видели цель в донесении высокого художественного образа через фантазию и воображение при помощи ярких эмоций и тёплых чувств, находящихся в постоянной конфронтации с шаткостью и зыбкостью земного бытия. Джон Китс всецело и точно отразил собственное видение в Оде к Соловью, разделяемое поэтами-романтиками:

Уйти во тьму, угаснуть без остатка
Не знать того, чего не знаешь ты,
О мире, где волнение, лихорадка,
Стенания, жалобы земной тщеты;
Где седина касается волос,
Где юность иссыхает от невзгод,
Где каждый помысел – родник печали,
Что полон тяжких слез;
Где красота недоле дня живет
И где любовь навеки развенчали [65, 59].

Невзирая на воображаемый мир писателей романтического направления, жизнь в понимании поэтов-романтиков преломляется через призму человеческих страданий и печали, однако в обременительных страданиях и навиваемой печали есть искрометная радость, где потаённая

идеальная красота недоступного человеческому глазу, содержит, по мнению Китса, правду.

Желание автора выразить данное стремление к неземной красоте обнаруживается в последней строфе Оды к Греческой вазе:

O Attic shape! Fair attitude! with brede
Of marble men and maidens overwrought,
With forest branches and the trodden weed;
Thou; silent form, dost tease us out of thought
As doth eternity: Cold Pastoral!
When old age shall this generation waste,
Thou shalt remain, in midst of other woe
Than ours, a friend to man, to whom thou say'st,
"Beauty is truth, truth beauty, - that is all
Ye know on earth, and all you need to know" [71].

Можно без малейшего сомнения предположить, что автор заключает главную идею, вложенную в последние две строки Оды к греческой вазе:

«Краса есть правда, правда – красота»,
Земным одно лишь это надо знать [72].

На основе данного перевода, выполненного Василием Комаровским, видно, что переводчик применяет компенсацию в первой строке данной строфы, чтобы дать читателю представление об Аттике, Юго-восточная области в Центральной Греции. В представленном случае выражение «...Attic shape!» переводчик решил письменно интерпретировать как: Эллады тень! Поскольку Эллада, то есть большая область государства Греции является более распространённым словом, нежели чем Аттика.

Несмотря на такой подход, все равно от читателя требуется понимание исторических географических объектов и представление о мифологии Древней Греции, чтобы могла сложиться картина описываемого в произведениях Джона Китса.

В небольшом романтическом произведении поэта «Современная любовь», писатель сравнивает собственное представление о любви а современных реалиях затронутой эпохи. Тем самым, Джон Китс подчеркивает, что люди ослеплённого-глупы, следуя, по мнению писателя, за материальными идеалами, не предаваясь созерцанию подлинной любви, бесконечной во времени и пространстве.

Однако молодые люди склонны брать от жизни максимум, не чувствуя притаившихся опасностей, разрушающих духовно-нравственный характер. Несомненно, такой подход, по мнению писателя-романтика, ведёт только к самораспаду и гибели индивида, так как земная жизнь – эфемерна, мимолётна для похотливых амбиций и страстей.

Таким образом, человек, поддавшись вожделенным желаниям, не сможет полностью раскрыть собственные таланты и сформировать полноценное становление личности индивида на протяжении жизни, вследствие неопровержимого факта, что духовная природа человека нарушена и заражена страстными влечениями.

Любовь! Игрушка лени золотой!
Кумир, такой божественно-прекрасный,
Что юность, в упоенье расточая
Ей сотни тысяч ласковых имён,
Сама себя божественною мнит
И, праздная, безумствует все лето,
Гребенку барышни признав тиарой,
Стрелой Амура – бильярдный кий.
Тогда живет Антоний в Брунsvик-сквере,
И Клеопатра – в номере седьмом.
Но если страсть воспламеняла мир,
Бросала в прах цариц и полководцев,
Глупцы! – так вашу мелкую страстишку
Сравню я только с сорною травой.

Восстановите тот тяжелый жемчуг,
Что растворен царицею Египта,
И хоть на вас касторовые шляпы –
Я вам скажу: вы можете любить! [56].

Согласно приведённому переводу Вильгельма Левика стихотворения Китса «Modern love» переводчик отталкивается от конкретизации и модуляции, чтобы внести ясность в излагаемый контекст с целью в точности передать смысл, завуалированный Джоном Китсом:

And what is love? It's a doll dress'd up
For idleness to cosset, nurse, and dandle;
A thing of sort misnomers, so divine
That silly youth doth think to make itself
Divine by loving, and so goes on [63]

В данном фрагменте переводчик применяет грамматическую замену речи и форму слова, а также модуляцию и компенсацию для облегчения восприятия читателем.

В первой строке виден риторический вопрос, направленный на размышление читателя по поводу подлинного понимания, что на самом деле есть любовь в материальном мире, однако глубинного осознания такого феномена романтический поэт не раскрывает, оставляя простор читателю для рефлексии и суждения по рассматриваемому вопросу.

Yawning and doting whole summer long
Till Miss's comb is made a pearl tiara,
And common Wellingtons turn Romeo boots;
Then Cleopatra lives at number seven,
And Antony resides at Brunswick Square [68].

На основе следующего приведённого отрывка из стихотворения «Современная любовь» видно, что Джон Китс выражает недовольство по поводу легкомысленного и расточительного времяпрепровождения

влюблённых, не залучив истину любовных отношений. Здесь В. Легате применил компенсацию и грамматическую замену речи в процессе перевода.

Представляется совершенно справедливым, что молодое поколение не видит подлинности, скрывающейся за вожденной пеленой эфемерного удовольствия.

Таким образом, писатель призывает подрастающее поколение соблюдать осторожность и не обращаться с любовью как с игрушкой, что отлично подтверждает написанные автором строки из первой строфы стихотворения, переведённые на русский язык В. Левиком с помощью модуляции и грамматической замены речи:

And what is love? It's a doll dress'd up
For idleness to cosset, nurse, and dandle [3, 62].

В следующих строках исследуемого литературного труда поэта наблюдается нравственная позиция писателя, где можно разоблачить негативную оценку автора в связи с неосторожным обращением молодого поколения с возвышенными чувствами, а именно с любовью.

Джон Китс с легкой язвительной иронией рассуждает по поводу скороспелых решений современной молодежи, неразборчиво расточающих источник истинной взаимной любви, данной человеку всего один раз. В довершение, писатель-романтик наставляет молодых людей впредь поступать осторожно и чутко, так как за опрометчивые поступки придётся заплатить неминуемо страшную цену в будущем.

Fools! If some passions high have warm'd the world,
If Queens and Soldiers have play'd deep for hearts,
It's no reason why such agonies
Should be more common than the growth of weeds.
Fools! Make me whole again that weighty pearl
The Queen of Egypt melted, and I'll say
That ye may love inspire of beaver hats [68, 56].

Множество архаичных форм местоимений и глаголов, а также стремления добиться эквивалентности перевода в следующем стихотворении – Ода к Осени:

Seasons of mists and mellow fruitfulness,
Close bosom-friend of the maturing sun;
Conspiring with him how to load and bless
With fruit the vines that round the thatch-eaves run;
To bend with apples, the moss'd cottage-trees,
And fill all fruit with ripeness to the core;
To swell the gourd, and plump the hazel shells
With a sweet kernel; to set budding more,
And still more, later flowers for the bees,
Until they think warm days will never cease,
For summer has o'er brimmed their clammy cells [63].

На основе рассматриваемой строфы оды можно обнаружить намерение писателя произвести впечатление на читателя посредством идиллической красоты природной среды, что для поэта является высшей формой земной красоты, доступной человеческому глазу.

В оде наблюдаются вышедшие из активного употребления историзмы, такие как: gourd (тыква); o'er brimmed (наполненный до краев).

Пора плодоношенья и дождей!
Ты вместе с солнцем огибаешь мызу,
Советуясь, во сколько штук гроздей
Одеть лозу, обвившую карнизы;
Как яблоками отягченный ствол
У входа к дому опереть на колья,
И вспучить тыкву и нарядить шейки.
Лесных орехов и как можно доле
Растить последние цветы для пчёл,
Чтоб думали, что час их не прошёл

И ломится в их клейкие ячейки [18, 68]

Согласно переводу Бориса Леонидовича Пастернака, в первой строфе произведения наблюдается грамматическая замена речи, модуляция и компенсация. Хорошо наблюдается трансформация перевода при помощи модуляции в первых двух строках:

«Пора плодоношения и дождей!

Ты вместе с солнцем огибаешь мызу...» [37].

В следующей строфе видно, как Джон Китс испытывает неизгладимое влияние окружающей природы, собственное мироощущение и внутренний мир поэта:

Who hath not seen thee oft amid thy store?
Sometimes whoever seeks abroad may find
Thee sitting careless on a granary floor,
Thy hair soft-lifted by the winnowing wind;
Or on a half reap'd furrow sound asleep,
Drows'd with the fume of poppies, while thy hook
Spares the next swath and all its twined flowers:
And sometimes like a gleaner thou dost keep
Steady thy laden head across a brook;
Or by a cyber-press, with patient look,
Thou watschest the last oozings hours by hours [62].

В показанном следующем отрывке из Оды к Соловью замечается стремление писателя придерживаться традиций устаревшей грамматики английского языка.

Таким образом, множество переводчиков пытались передать вложенный автором смысл с помощью многогранных художественно-выразительных приемов, а также архаических форм, что придает речи торжественно-поэтическую, триумфальную окраску с проникновенно-пленительной задушевностью и подкупающей мягкостью от подлинно

восхваляемой Дж. Китсом эстетикой пантеизма и эллинистической природы Древней Греции, что так сильно всколыхнуло сердце и душу поэта.

Переводчики применяли различные трансформации, а также третий уровень эквивалентности перевода способа описания ситуации по В. Н. Комиссарову [22, 23].

2.2 Исследование способов перевода поэтических произведений

Дж. Китса

Джон Китс соблюдал архаический стиль возвышенной поэзии, а также поэтической патетики, оказавшей влияние на молодого поэта-романтика. К известным авторам, обогащавшим видение романтического поэта можно в особенности отнести: У. Шекспира, Э. Спенсера, Д. Мильтона, Т. Чаттертона, обладавших наибольшей значительностью на поэзию и прозу в Англии вплоть до XIX в. [1, 2, 21, 29].

Во многих одах и поэмах Джона Китса, а также в приведенной Оде к Соловью числятся устаревшие глагольные формы 2 и 3 лица единственного числа с окончаниями –(e)st, - (e)st, невзирая на выбранное время: прошедшее, настоящее, будущее. Такие грамматические особенности английского языка восходят к творчеству Д. Чосера в произведении «Canterbury Tales» в четырнадцатом веке.

Глагольные формы с окончанием (e)th активно применялись У. Шекспиром. Джон Кит поставил задачу сохранить литературную архаику, следуя за принятыми традициями великих писателей с целью усиления эффекта на читателя.

Вдобавок, нередко встречаются личные глагольные формы с окончаниями -e)st, - (e)th от to have, to do; а также hast (2-е лицо в сочетании с устаревшим местоимением thou; 3-е лицо hath.

В Оде к Праздности содержатся также много архаических слов и выражений: настоящее время, совр. to have обозначалось как hath. Особенно, данный пример хорошо виден в поэме «Эндимион» [48]:

What mortal hath a prize...

"Too gentle Hermes, hast thou found the maid?"

...hast thou a symbol of her golden hair?

What promise hast thou faithful guarded since / The day of sacrifice?

...Too long, alas, hast thou starv'd on the ruth...

Hast thou sinn'd in aught

Offensive to the heavenly powers?

... and hath set us young immortals, without any let...

art, устаревшая форма современного глагола are (от to be), употребляемая во 2-ом лице единственного числа настоящего времени с местоимением thou:

Here thou art!

Thou art a scholar, Lycius, and must know...

And here thou art!

Seeing thou art so gentle.

Of Cupids shun thee, too divine art thou...

How beautiful thou art!

Art thou now forested?

Thou art a wanderer, and thy presence here...

dost (2 лицо, ед. ч., в сочетании с thou), doth (3 лицо, ед.ч.), настоящее время, совр. to do:

Wherefore dost thou start?

Wherefore dost thou start?

And through whole solemn hours dost sit...

What! dost thou move? dost kiss?

"Now thou dost taunt/ So softly, Arethusa, that I think...

Where dost thou listen to the wide halloos

Of thy departed nymphs?

... thou dost taste

Freedom as none can taste it, nor dost waste ...

By one consuming flame: it doth immerse ...

В приведённых примерах *didst*, совр. *to do*, соответствовала 2 лицу единственного числа в прошедшем времени, встречается реже:

For thou *didst* not hear the soft, lute-finger'd Muses chaunting clear

Why *didst* thou hear her prayer?

Tell me thine ailment: tell me all amiss! – *dids*

That time thou *didst* adorn, with amber studs... [71]

В рассматриваемом отрывке переводчик применяет конкретизацию и модуляцию, и компенсацию с целью пояснения сложных для восприятия читателю эпизоды, требующие более детального изложения.

Согласно уровням эквивалентности перевода по Вилена Наумовичу Комиссарову: данный тип относится ко второму типу – по описанию ситуации, однако в отдельных фрагментах исследуемого романтического произведения можно встретить и другие уровни эквивалентности как второстепенные.

Следующую группу глагольных архаизмов составили устаревшие формы модальных глаголов и слов, сохранившие в современном английском языке те же функции, но звучащие по-новому, утратившие прежние окончания: *wilt* (совр. *will*), вспомогательный глагол будущего времени, соответствует 2 лицу единственного числа; *shalt* (совр. *shall* следует что-либо сделать), употреблялся во 2 лице единственного числа с модальным значением обязательности, вспомогательный глагол при образовании будущего времени глагола:

If thou *wilt*, as thou swearest, grant my boon! / Thou *shalt* behold her,
Hermes, thou alone

Or thou *wilt* force me from this secrecy...

Endymion! one day thou *wilt* be blest...

Ah, thou wilt steal / Away from me again, indeed, indeed - / Thou wilt be gone away, and wilt not heed / My lonely madness. Shouldst, совр. should, для 2 лица единственного числа с модальным значением обязательности, вспомогательный глагол, употребляется при согласовании времен:

That if thou shouldst fade thy memory will waste me to a shade... and thou shouldst please / Thyself to choose the richest...

Thou shouldst mount up to with me.

And if I guess'd not so, the sunny beam / Thou shouldst mount up to with me [64].

Также модальный глагол canst, в совр. can, для 2 лица единственного числа с модальным значением:

Art thou way worn, or canst not further trace / The diamond path?

Who, that thou canst not be for ever here... [65]

Романтическим авторам, как утверждала Е. П. Клименко, был свойствен выбор глагола с “более энергичным смыслом” в связи с повышенной эмоциональностью их стихов, стремлением передать через них сильные переживания и чувства, яркие мысли и острые впечатления. Но эта тенденция менее типична для Китса, чем для Байрона]. Потому у Китса немного архаических глагольных форм с “более энергичным смыслом”:

know'st (совр. to know знать), для 2 лица единственного числа: know'st thou that man? vanishest- совр. to vanish (исчезать), форма 2 лица единственного числа: Even as thou vanishest so I shall die. Swearest - совр. to swear клясться, форма 2 лица единственного числа: If thou wilt, as thou swearest, grant my boon! Spake, совр. spoke (от speak), глагол, соответствующий прошедшему времени:

While yet he spake they had arrived before a pillar'd porch...

...and a colour grew/ Upon his cheek, while thus he lifeful spake.

Thus spake he, and that moment felt endued.

Thus spake he: “Men of Latmos! shepherd bands! [2, 68].

При трансфере глагольных архаизмов либо найдены соответствующие смыслу подлинника устаревшие формы, либо, за неимением таковых, использованы разнообразные грамматические и лексико-грамматические трансформации. Рассмотрим трансформации на примере двух переводов “Ламии”, выполненных С. Александровским и С. Сухаревым [42].

What canst thou say or do of charm enough to dull the nice remembrance of my home? “Thou canst not ask me with thee here to roam – Что сможешь молвить или сделать ты, дабы забыла я свой горний дом? О, не проси бродить с тобой вдвоем. В безрадостной глуши: сия страна Бессмертной благодати лишена!”.

С. Александровский сохранил старинную стилистику оригинала, благодаря введению в текст перевода глагольного архаизма “молвить”, а также устаревших слов “дабы”, “горний”, “сия”. Перевод С. Сухарева звучит современнее, т.к. архаизмы опущены: “В твоей ли власти заменить мне дом, Тоску умерить сладкую о нем? Как мне бродить с тобою по долинам. Безрадостным, холодным и пустынным, как мне забыть бессмертия удел?” [58].

При переводе нижеследующего фрагмента сохранены архаическая стилистика и романтическая риторика, в первом случае благодаря грамматической трансформации, второй пример - лексико-семантической: “And every word she spake entic'd him on to unperplex'd delight and pleasure known” “И всяким изреченным женским словом манило юношу к отрадам новым” (С. Александровский) “Он женщину, себе не веря сам, Зрел пред собою - и мечтой влюбленной. Летел к восторгам, страстью окрыленный” (С. Сухарев) [42].

При переводе архаизма *spake* производятся лексико-грамматическая и семантическая трансформации, использованы замены, опущения и добавления: ... but the words she spake. Came, as ...” исторгнутая гадом, речь (С. Александровский) Отверзся зев змеи - но речи... звучали (С. Сухарев);

thus the lone voice spake переведено в одном случае как глас изрек (архаический эквивалент), в другом - донесся... голос (нейтральный оттенок).

Переводчики нашли лексико-грамматические соответствия архаическим формам глагола to do, используемым Китсом в “античных” поэмах в разных значениях, допуская при трансфере синтаксические замены и перестановки.

Перевод архаических форм dost, doth, didst реализован с помощью лексико-грамматических замен с целью сохранения старинного поэтического стиля благодаря введению в текст русских архаических слов и выражений из других лексических полей.

Опущение архаического слова часто влечет за собой лексико-синтаксические трансформации, как в данном случае: Where she doth breathe! // Где нимфа? (С. Александровский).

Сосредоточившись на общем смысле, С. Александровский опустил при переводе часть строки, содержащей глагольный архаизм (“she doth breathe!”), что, в целом, не отразилось на стиле и смысле перевода.

С. Сухарев перевел “didst not hear” (не слышал) деепричастием в отрицательной форме “не внимая напевам Муз”, а С. Александровский употребил устаревший глагол “соделать” в следующей поэтической конструкции: “Тебя глухим соделал к пенью Муз”. “Lamia, what means this? Wherefore dost thou start?” (“Что означает это? Почему ты начала?”) переведен пафосно, с заменой вопросительной интонации на восклицательную и опущением части текста: “О Ламия! Да это не испуг ли?” [73].

В переводе С. Сухарева, более развернутом и стилистически более близком к оригиналу, осуществляется подобная синтаксическая трансформация: “О Ламия, ответь же что-нибудь! Испугана ты чем?”.

Перевод устаревшего глагола с сохранением архаической поэтической формы допускает синтаксические преобразования: ...где она таит свое дыхание? (С. Сухарев), а также использование синонимичного глагольного архаизма: "Too gentle Hermes, hast thou found the maid?" // Признайся, Эрмий, -

деву ты настиг? (С. Александровский). При переводе этого фрагмента С. Сухарев заменяет архаизм глаголом с нейтральной стилистической окраской: “Ты встретил деву, вестник благородный?” [73].

Здесь прослеживается, что лексико-грамматические и семантические замены архаизмов и другие необходимые структурно-текстуальные трансформации не искажают стиль оригинала при условии одновременной нейтрализации устаревшего глагола и компенсации смысла с помощью синтаксических перестановок и введения архаизмов на других участках текста.

В данном примере архаизм употреблен не в прямой речи, а в словах автора: "Bright planet, thou hast said," Return'd the snake.// Ты сказал, о светлый бог, - Речет змея... (С. Александровский) [73].

Старинный поэтический стиль сохраняется и в случае грамматической замены отдельных архаических форм, в частности, замены английского устаревшего сочетания *hast fit* (подходит, соответствует) причастием от русского архаического глагола “нарекать”: *Hast any mortal name, / Fit appellation for this dazzling frame?* // Гостя неземная, / Как среди смертных ты наречена? (С. Сухарев) [73].

В следующем фрагменте пышный архаический стиль китсовского текста передан с помощью синтаксической замены и введения стилистически устаревшего “зваться”, компенсирующего употребленную английским поэтом архаическую форму глагола во втором лице единственного числа: *Sure some sweet name thou hast*// Но как зовешься? (С. Александровский).

На основании следующего примера перевод архаической формы *hast* нейтральным глагольным выражением “сумел... питать” компенсируется введением архаического выражения “в мире сиром” и дополнительными семантическими трансформациями: *What taste of purer air hast thou to soothe "My essence?"* ...увы - каким эфиром Чистейшим ты сумел бы в мире сиром питать меня? (С. Александровский).

В переводе С. Сухарева, в целом сохранившем архаический мифопоэтический стиль в данном фрагменте оригинального текста, произведена замена вопросительной интонации на восклицательную: О бедный юноша, ты не вкушал нектара, светом горним не дышал! [73].

В следующем фрагменте наблюдаем компенсацию архаической лексики и стилистики - замену английской устаревшей грамматической формы русским архаическим глаголом обрел, в первом случае, и во втором - полную лексико-грамматическую трансформацию с использованием дополняющих текст архаических слов: *What mortal hath a prize, that other men / May be confounded and abash'd withal...*// Такое Сокровище обрел, что о покое Мгновенно и навек забудут все, Узрев тебя во всей неслыханной красе (С. Александровский) Никто не в силах редкий скрыть алмаз, / Пред замершей толпой не возгордиться! (С. Сухарев) [73].

Удачным представляется перевод с заменой английского архаического словосочетания контекстуальным синонимом в виде глагольного архаизма “возжаждется”, компенсирующим английское выражение с включением грамматических архаизмов: *Possess whatever bliss thou canst devise* // Владей, каким возжаждется, блаженством (С. Сухарев) [73].

Согласно следующему замечанию в предложении архаический глагол *canst*, передающий модальность и употребленный Д. Китсом дважды, в утвердительной и отрицательной формах, переведен С. Александровским сочетанием современного сможешь с архаизмом молвить (“Что сможешь молвить”)[73].

В переводе С. Сухарева архаизм опущен в лексически трансформированном вопросительном предложении: “В твоей ли власти?”. Устаревшая сокращенная конструкция *Tis* соответствует современному обороту *it's* (*it is*), который С. Александровский перевел архаизмом се, а С. Сухарев, осуществив стилистическую замену, - современным указательным словом то [68].

'Twas - форма прошедшего времени вышеупомянутой конструкции, которая в современном языке приняла форму *it was*. В нижеследующих примерах наблюдаем различные переводческие трансформации устаревших модальных глагольных форм:

Thou shalt behold her, Hermes, thou alone, If thou wilt, as thou swearest, grant my boon! И лишь перед тобой возникнет снова - Коль не нарушишь клятвенного слова! (С. Александровский). Исполни свой обет, Гермес, - и ты. Узришь ее желанные черты! (С. Сухарев). Let me breathe upon thy brow, and thou shalt see thy sweet nymph even now.

Склонись: я на твою дохну главу - И ты увидишь нимфу наяву (С. Александровский). Дыханием я твой овею лик. И нимфу ты увидишь в тот же миг (С. Сухарев). that if thou shouldst fade Thy memory will waste me to a shade - сгинешь, неземная? Ведь сгину сам, тебя припоминая!

С. Александровский перевел условное предложение вопросом "сгинешь, неземная?" с последующим ответом: "Ведь сгину сам, тебя припоминая!", используя при переводе компенсирующий русский архаический глагол сгинуть в двух личных формах [71].

В приведенных выше примерах архаизм *thou* (совр. *you*) в сочетании с рядом устаревших глагольных форм переведен в соответствии с нормами современной английской грамматики и правилами компенсации трансформируемого архаического текста, за исключением случаев, когда переводчик, в угоду лирическому смыслу изреченного, опустил архаизмы.

Из всего вышесказанного следует, что при переводе архаических грамматических форм с целью сохранения содержания мифологического сюжета и романтического произведения, а также общей стилистической тональности переводчики допускают необходимые стилистические и лексико-грамматические преобразования.

При опущении трудных слов и оборотов, не рискуя отдалиться от перевода и изменить стиль оригинала, авторы переводов подбирают компенсирующие стиль подлинника глагольные формы и архаизмы из

родного языка; заменяют архаизмы современными словами и оборотами, не искажающими смысл и не изменяющими, в целом, стилистику фразы; заменяют архаические глаголы современными глаголами и оборотами, сохраняя архаический поэтический стиль, благодаря компенсирующим лексико-грамматическим трансформациям, включающим архаизмы других лексических полей; используют различные приемы компенсации с целью привнесения в перевод специфической архаической тональности при отсутствии эквивалентной формы, стремясь донести до читателя смысл романтического произведения, передать индивидуальный авторский стиль и стиль эпохи.

По изречению одно из выдающихся русских ученых в области филологии С. С. Аверинцев подчеркивает: «Романтизм – великая, может быть величайшая эпоха в истории художественного перевода. Немецкая романтика ставит в порядок дня неизвестную прежде задачу – средствами художественного перевода сделать доступной для своих писателей...более или менее полный круг шедевров всех времён и народов» [50].

Западные переводы находились во внимании известных писателей: Людвиг Иоганн Тик занимался переводом произведений Мигеля де Сервантеса Сааведра, Вальтер Скотт переводил литературные труды Иоганна Вольфганга фон Гёте. Также переводами занимались Фридрих Шлегель, Джордж Гордон Байрон, Перси Биш Шелли. Франсуа Рене де Шатобриан, Генри Уодсворт Лонгфелло.

Немаловажно упомянуть колоссальный вклад В. А. Жуковского, русского романтического поэта и переводчика, сумевшим перевести многих английских, французских и немецких поэтов. Баллады известного немецкого поэта, мыслителя, теоретика искусства и драматурга Иоганна Кристофа Фридриха фон Шиллера переводились В. А. Жуковским и до сих пор считаются непревзойденными с точки зрения точности передаваемого писателем смысла.

Перевод «Одиссеи», составленным в 1849 года в Германии В. А. Жуковским, по мнению данного переводчика, считается самым значительным. Из русских поэтов, переводившим европейских авторов эпохи романтизма, стоит отметить А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета. И. А. Бунин составил перевод «Песни о Гайвате» Генри Уодсворта Лонгфелло, считающийся непревзойдённым классиком, таким образом писатель удостоился Нобелевской премии в 1933 году.

Беря во внимание литературное наследие Джона Китса, можно рассудить, что многие русские переводчики упомянутого поэта-романтика видели цель обогатить переведённую на русский язык зарубежную классическую литературу произведениями английского писателя романтического направления, вызвавшего особенную сложность в переводе множества произведений в силу архаичных слов и выражений, а также трудных для понимания мифологических сюжетов Древней Греции эллинистической эпохи, а именно Джона Китса.

В стихотворении: «День отошёл и все с собой унёс» писатель размышляет о невозможности обратить время вспять и пережить ушедшие в прошлое моменты. Также хорошо наблюдаются реминисценции о мимолётности земного бытия человека:

The day is gone, and all it's sweets are gone!
Sweet voice, sweet lips, soft hand and softer breast
Warm breath, light whisper, tender semitone
Bright eyes, accomplished shape, lang'rous waist [66].

В приведённом отрывке видно, что писатель намекает на быстрое угасание тлеющего в лучах заката дня, где так же вложена идея о земной красоте юности, исчезающей в мгновение.

В данном примере у В. Левика перевод осуществляется при помощи различных трансформаций – грамматическая замена речи и формы слова. Помимо этого, можно обнаружить грамматическую замену числа:

День отошёл и все с собой унёс переводчик интерпретировал как:

The day is gone, and all it's sweets are gone!

Также у В. Левики и Г. Кружкова можно обнаружить модуляцию и компенсацию в трудно передаваемых на другой язык местах, где приходится обращаться к творческому подходу перевода:

Vanished unseasonably at shut of eve
When the dusk holiday or holinight
Of fragrant-curtained love begins to weave [69].

В. Левик применил модуляцию и компенсацию с целью сохранить вложенный смысл без искажения, передаваемого автором послания читателю.

Исчезло все - и мглою мир объят,
И день святой сменила ночь святая,
Разлив любви пьянящий аромат,
Для сладострастия полог тьмы сплетая.
Весь часослов прочёл любви я днём
И вновь молюсь- войди же, Сон, в мой дом!
В переводе у Г. Кружкова:
Все, все исчезло на исходе дня,
И догорает страсти ореол
И, новой, тайной негою маня,
Ложится ночь; но я уже прочёл
Все – до доски – из требника любви;
Теперь уснуть меня благослови [45].

В тексте оригинала данный отрывок весьма отличается от интерпретированных фрагментов переводчиков:

Vanished unseasonably at a shut of eye,
When the dusk holiday or holinight
Of fragrant-curtained love begins to weave,
The woof of darkness thick for hid delight;
But, as I've read love's missal through today,

He'll let me sleep, seeing me fast and pray [68, с. 48].

В письменной интерпретации С. Шика стихотворения Дж. Китса «К Надежде» используется уровень структуры высказывания и лексико-семантического соответствия, вследствие необходимости передать вложенное послание поэтом, а также сохранить контекст, что выступило многозначительной задачей. С. Шик применил модуляционный с компенсационными способами перевода с грамматической заменой числа и формы слова:

Когда пред одиноким очагом
Мне сердце омрачает размышление,
«Глаза души» не грезят дивным сном
И жизни пустошь не сулит цветения, -
Надежда! Сладостный бальзам пролей,
Лучащимся крылом меня овей!
Когда блуждаю в чаще, где луна
Не льёт сквозь мглу ветвей отрадный свет,
И горесть, вдохновению страшна,
Пугает Радость, хмурясь ей вослед, -
С лучом луны мрак леса освети
И Радость от Унынья защити!
Отчаянием – отпрыском своим –
Грозит ли сердцу Разочарованье,
Повиснув чёрной тучею над ним
И жертву обрекая на закланье, -
Явись, Надежда светлая, и прочь
Гони его, как утро гонит ночь! [68, с. 49-50].

В сравнении с переводом С. Кольцовой также наблюдается способ перевода при помощи модуляции, компенсации с грамматической заменой числа и формы слова, выдерживая передаваемый писателем смысл:

Когда не греет хладный мой очаг

И безотраден мыслей хоровод
«Глаза души» - Унылый саркофаг -
Лишь бренность мира видят в свой черёд, -
Надежда, Возроди угасший пыл
Легчайшим взмахом серебристых крыл!
Когда в ночи брожу я, одинок
И застит мгла небесный лунный свет
Сосен уныние грёз воздушных сок,
Нахмуясь дивной Радости в ответ. -
Омой листву сиянием любви,
Уныния оковы разорви!
Отчаяние, плод безотрадных дум,
Ты сердце мнишь обителью своей
Тех, кто разочарован и угрюм, -
Туманом восклубясь среди ветвей.
Надежда, изгони видение прочь,
Как утро, воссияв, пугает ночь [68, с. 50].

Несмотря на точность передачи вложенного смысла, перевод стихотворения существенно расходится с оригинальным текстом. Невозможно в точности передать содержание написанного, поскольку смысл может значительно исказиться.

Поэтому переводчики видят цель в стремлении донести смысл до читателя, применяя творческий подход в переводе. Однако, невзирая на всевозможные старание, абсолютную точность передать практически нереально, вследствие разной картины мира у написавшего произведение поэта и переводчика:

When by my solitary hearth I sit,
And hateful thoughts entrap my soul in gloom;
When no fair dream before my “mind’s eye” flit,
And the bare Heath of life presents no bloom;

Sweet Hope, ethereal balm upon me shed,
And wave thy silver pinions over my head!
Wherever I wander at the fall of night
Where woven boughs shut out the Moon's bright ray,
Should sad Despondency my musings fright,
And frown, to drive fair cheerfulness away,
Peep with the moonbeams through the leafy roof,
And keep that fiend Despondence far aloof!
Should Disappointment, parent of Despair,
Strife for her son to seize my careless heart;
When, like a cloud, he sits upon the air,
Prepare on his spell-bound prey to dart:
Chase him away, Sweet Hope, with visage bright,
And fright him as the morning frightens night! [68].

Во всех приведённых фрагментах письменной интерпретации стихов Джона Китса различными переводчиками видно, что в основном применяется прагматический подход в воссоздании оригинального произведения на русский язык при помощи способа описания ситуации, структуре высказывания и лексико-семантического соответствия.

Однако, стоит также не упускать из вида то, что переводчики стремятся облечь выражаемый на письме текст благодаря творческому подходу.

В довершение, литературные создания Джона Китса требуют глубокого понимания культурно-исторических событий, тем самым, не имея глубины познания, отраженного в литературных трудах Джона Китса, невозможно всецело объять завуалированный поэтом-романтиком смысл в созданных произведениях писателя.

Выводы по второй главе

В течение господствующего романтического литературного направления. интерес читателей к творчеству Джона Китса, английского романтика эпохи романтизма, значительно возрос. Данный феномен не представляет удивления, вследствие желания у молодого поколения изучать труды письменного слова знаменитых писателей, а именно, в частности, Джона Китса.

Эллинистическая эпоха, а также присущая данному временному отрезку архаика, волновала ученых многие года. Также аллегорический художественно литературный приём с элементами средневековой истории делают творческую направленность данного автора по-истине настолько уникальной, что Джон Китс стал символом английского романтизма, не уступая Д. Байрону, П. Шелли, В. Скотту, У. Вордсворту и многим другим писателям взятой во внимание эпохи.

Одаренный от природы огромной чуткостью молодой поэт стремился отразить в собственных произведениях природную красоту, мировоззрение культуры эллинизма, а также загадочную диковинную жизнь обременительных страданий и светлой радости в жизни человека. Таким

образом, объясняется множество архаизмов в созданных поэтом трудах, что несомненно усиливает эффект восприятия читателем затронутой эпохи Древней Греции и пережиток Средневековья.

В данной выпускной квалификационной работе исследовались эквивалентность и трансформации переводов на основе материала стихов английского романтика Джона Китса. В течение поиска и анализа информации по затронутой теме удалось добиться следующих результатов:

Рассмотрен и исследован материал литературных трудов поэта-романтика Джона Китса.

Изучены стихи поэта и сделан анализ переведенных стихотворений различными переводчиками с целью добиться наибольшей ясности передаваемого Джоном Китса смысла произведений на русском языке. Рассмотрены и выполнены многочисленные переводческие анализы различных литературных произведений Джона Китса:

- 1) Ода к Греческой вазе
- 2) Ода Соловью
- 3) Ода к Осени
- 4) Современная любовь
- 5) Поэма «Эндимион»
- 6) Ода к Праздности
- 7) К Надежде
- 8) Ода к Фанни

Впоследствии удалось добиться результата исследования, где отразились личные подходы различных авторов к переводу произведений английского писателя эпохи романтизма Джона Китса.

Таким образом, в письменных трудах переводчика заметно, что трансформации перевода, а также использованные стилистические приемы весьма могут отличаться, тем самым, делая переведённые произведения поэта-романтика намного интересней при чтении и изучении несколько переводов определенного стихотворения, Оды или поэмы.

Заключение

В соответствии с рассмотренными литературными произведениями и исследованными научными трудами С. Александровского, С. Сухарева, Е. Витковского, В. Левита, Г. Кружкова можно подчеркнуть, что творчество Джона Китса вбирает множество сложных для восприятия современного читателя понятий, тем самым, переводчики видели ясную цель в интерпретации представляющих наибольшие затруднения в понимании эллинистической эпохи Древней Греции, обычаев жителей Эллады затронутого времени, а также пояснение архаических форм, выступающих весьма труднопреодолимой задачей, чтобы понять, что писатель имел в виду.

Более того, каждый переводчик излагал заложенный поэтом-романтиком смысл в собственном видении окружающего мира, таким образом, данное условия четко указывает на то, что каждый переводчик стихотворений Джона Китса своеобразно выражает главную идею произведения автора, используя творческий и нестандартный подход. Дословный перевод, транслитерация и калькирование практически не применяются, вследствие невозможности передачи информации,

основываясь на прямолинейном подходе к переводу литературных произведений писателя.

Переводчики видят цель в довершении перевода, сохраняя заложенную идею в каком-либо литературном труде Джона Китса, что, по истине, является скрупулезно-ювелирной задачей.

Стилистические особенности в поэзии поэта-романтика оказывают пронизывающий эффект на читателя при помощи использования архаических слов и выражений, а также применяя такие тропы как эпитеты, метафоры и, в особенности, олицетворения для усиления передаваемого эффекта красоты природы и вечной истинной красоты, недоступной человеческому созерцанию.

Творчество Джона Китса явилось новаторским в английской поэзии, вследствие наделённого творчества автора романтического направления элементами эллинизма и пантеистической эстетикой. Джон Китс вложил в собственную поэзию самые сокровенные мироощущения, отразив подлинность природной красоты.

По замыслу писателя человеку следует находиться в гармоничном сосуществовании с природой и видеть прекрасное в каждом проявлении окружающей среды. Несмотря на то, что Джон Китс прожил короткую жизнь, писатель показал современному читателю, что счастье исходит от искренней радости находить прекрасное в природе и настоящих переживаемых чувств.

Таким образом, поэт-романтик напоминает современному читателю, что не следует находиться в непрестанной погоне за призрачным счастьем, а научиться восхищаться каждым днём и находить отдохновение от суеты и томления духа в природе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдрахманова, Р.Дж. Художественный перевод (Лингвистические аспекты) : учебное пособие для студентов старших курсов переводческих отделений. - Бишкек : Изд-во КРСУ, 2014. – 86 с.
2. Алимова, М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Русистика, 2012, №2. - С. 47-52.
3. Андреева, Е.Д., Баймуратова, У.С. Особенности перевода слов-образов англоязычного поэтического текста (на примере творчества Джона Китса) \\\ Современные проблемы науки и образования. – 2015. - № 1. – ч. 1. – С. 11 – 16.
4. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И.В. Арнольд ; под общ. ред. П.Е. Бухаркина. – Москва, 2016. – 384 с.
5. Бархударов, Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов ; под общ. ред. В.П. Торпаковой. – Москва, 1975. – 240 с.
6. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями [Текст] : в синодальном переводе. - Москва: Никея, 2016. - 1592 с.

7. Венгерова, З. А. Китс, Джон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Доп. Том IIА (4). Пруссия — Фома. Россия. — СПб: Семеновская Типолитография, 1907. — 578 с. URL: runivers.ru (дата обращения: 13.05.2022). — Текст: электронный.
8. Ветхий завет. Исход (Исх). — Москва: Директ-Медиа, 2006. — 175 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=15650> (дата обращения: 13.05.2022). — Текст: электронный.
9. В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах / Под ред. Бородинской М., Кружкова Г. — Новое литературное обозрение, 2009. — 528 с.
10. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. — Москва, 1959. — 656 с.
11. Дудко, А.Э. Первые переводы сонетов Джона Китса в России и проблема их восприятия // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. — 2016. — № 3. — С. 150 — 154.
12. Дьяконова, Н.Я. Английский романтизм. Проблемы эстетики. — М.: Издательство “Наука”, 1978. — 208 с.
13. Дьяконова, Н.Я. Джон Китс. Стихи и проза. — Л.: Наука, 1986. — С. 286 — 310.
14. Дьяконова, Н.Я. Китс и его современники. — М.: Наука, 1973. — 210 с.
15. Европейский романтизм. — М.: Наука, 1973. — 504 с.
16. Жирмунский, В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. — СПб.: Аксиома, Новатор, 1996. — 232 с.
17. Зиновьева, А.Ю. Творчество Джона Китса и философия романтической поэзии. — Дис. ...канд. наук. — М., 2001. — 171 с.
18. Казакова, И.Б. Эстетические воззрения Джона Китса // Филологические науки. — 2011. - № 4. — С. 45 — 53.

19. Казакова, Т.А. Художественный перевод: учебное пособие / Т.А. Казакова; под общ. ред. Г.А. Капитоновой. – Санкт-Петербург, 2002. – 112 с.
20. Карельский, А.В. Драма немецкого романтизма. – М.: Медиум, 1992. – 335 с.
21. Кирюхина, М.А. Художественный текст как единица художественной речи // Культурная жизнь Юга России, 2009, №2. - С. 128-130.
22. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 168 с.
23. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В.Н. Комиссаров; под общ. ред. Л.И. Кравцовой. – Москва, 1990. – 253 с.
24. Корнилова, Е. Н. 3.2. Романтизм как фактор культуры. Взгляд из XXI века // Проблемы культуры в XXI веке. – М.: Изд-во МГЛУ, 2018. – С. 89-126.
25. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебное пособие / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – Москва: Академия, 2003. – 192 с.
26. Латышев, Л.К. Технология перевода: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Перевод и переводоведение" / Л. К. Латышев. - 4-е изд., стер. - Москва: Академия, 2008. - 316 с.
27. Левицкая, Т.Р. Проблемы перевода / Т.Р. Левицкая, А.М. Фиттерман. – Москва: Международные отношения, 1976. – 208 с.
28. Лескин, Д.Ю. Епифания: сборник статей / протоиерей Димитрий Лескин. - Тольятти: Ред.-изд. центр Православной классической гимназии, 2015. - 493 с.
29. Ложеницына, Л.А. Художественный текст как вторичная моделирующая система // Academic Review, 2007, №2 - С. 118-127.

- 30.Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. - Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1998. - 702 с.
- 31.Мелихов, А. М. Прагматизм романтизма [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 2012. – №1. – Электронные текстовые данные. – URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2012/1/m11-pr.html#_ftnref1. (дата обращения: 13.05.2022). – Текст: электронный.
- 32.Миньяр–Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр–Белоручев. – Москва, 1996. – 208 с.
- 33.Михайлов, А.В. Обратный перевод. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 852 с.
- 34.Неупокоева, И. Европейский романтизм / И. Неупокоева, И. Шетер. – М.: Наука, 1973. – 504 с.
- 35.Толмачев, В.М. Романтизм: культура, лицо, стиль // «На границах». Зарубежная литература от средневековья до современности. – М.: МГУ; Экон, 2000. – С.104-116.
- 36.Подольская, Г.Г. Поэзия Джона Китса в России. – Дис. ...канд. наук. – М., 1986. – 269 с.
- 37.Поэтический текст как объект перевода. Лингвостилистические особенности поэтического текста. - URL:<http://www.litways.ru/walls-134-1.html> (дата обращения 11.10.2022)
- 38.Проект “Русская планета” - сайт, посвященный зарубежной литературе разных периодов. URL: <http://russianplanet.ru/filolog/> (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
- 39.Рабинович, В.С. История зарубежной литературы XIX века: Романтизм: учебное пособие. – М.: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 88 с.
- 40.Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер; под общ. ред. В.Р. Колесниченко. – Москва, 2007. – 244 с.

- 41.Сдобников, В.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 448 с.
- 42.Сухарев, С. Краткая летопись жизни и творчества Джона Китса. URL: http://www.6lib.ru/books/kratkaa-letopis_-jizni-i-tvorhestva-djona-kitsa-219378.html (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
- 43.Тарасова, И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. – Саратов, 2003. – 280 с.
- 44.Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков: Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. - 416 с.
- 45.Халтрин-Халтурина, Е.В. Джон Китс и культ прекрасного: о динамике образного ряда // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2. – С. 135 – 139.
- 46.Eruvbetine, A.E. Beauty: the Keatsian Aesthetic Ideal // Studia Anglica Posnaniensia. – 1984. Vol.17. – P.251 – 269.
- 47.John Keats: официальный англоязычный сайт, посвященный жизни и творчеству Джона Китса. URL: <http://www.john-keats.com/> (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
- 48.Lockridge, L. S. The Ethics of Romanticism / Laurence S. Lockridge. – N.Y.: Cambridge University Press, 1989. – 493 p.
- 49.Richardson, A. British Romanticism and the Science of the Mind / ed. by M. Butler. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 268 p.
- 50.The Complete Poetical Works and Letters of John Keats Ed. Horace Elisha Scudder. Boston: Houghton Mifflin Company, 1890 г. – 502 p. URL: fantlab.ru (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.

Словари и справочники

51. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. - Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург : Фонд "Ленингр. галерея", 2002. - 1628 с.
52. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др.; под ред. Л.В. Чернец. - М.: Высш. шк.; Издательский центр "Академия", 1999. - 556 с.
53. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — 1600 стр.
54. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. — М., 2010. — 260 с.
55. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. - 2-е изд., стер. - М.: УРСС, 2004. - 569 с.

Список источников иллюстративного материала

56. Китс, Дж. Стихотворения и поэмы. — М.: Художественная литература, 2007. — 319 с.
57. Китс, Дж. Стихотворения и поэмы. — М.: Издательство Наука, 1992. — 416 с.
58. Китс, Дж. Стихотворения и поэмы. — М.: Художественная литература, 1989. — 320 с.
59. Китс, Дж. Письма // Китс Дж. Стихотворения. — Л.: Наука, 1986. — С. 204 — 297.

60. Китс, Дж. Стихотворения. Классика и современники. – М.: Наука, 1982. – 312 с.
61. John Keats, the complete poems. – Harmondsworth ; New York : Penguin, 1977. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
62. Keats, J. Selected Poems. – L.: Penguin Books Ltd., 2008. – 250 p.
63. Keats, John. The Complete Poems / Ed. by Jack Stillinger. Cambridge (Mass.): Harvard UP. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard University Press, 1973. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
64. Keats, John. Odes. A Casebook / Ed. by G.S. Fraser. L., Basingstoke: Macmillan, 1971. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
65. Keats, John. The Odes of Keats. And Their Earliest Known Manuscripts / Ed. by Robert Gittings. L.: Heinemann, 1970. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
66. Keats, John. The Poems of John Keats / Ed. by Miriam Allott. L., N.Y.: Longman, 1989. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
67. Keats, John. The Poetical Works and Other Writings of John Keats / Ed. by H. Buxton Forman. V.1-8. N.Y.: Phaeton, 1970. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
68. Keats, John. The Poetical Works of John Keats / Ed. by H.W. Garrod. Oxford: Oxford UP, 1958. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
69. Keats, John. The Letters of John Keats / Ed. by Maurice Buxton Forman. L., Cumberlege: Oxford UP, 1948. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.
70. Keats, John. Letters of John Keats. A Selection / Ed. by Robert Gittings. Oxford: Oxford UP, 1970. 1. Keats, John. The Letters of John Keats,

1814-1821 / Ed. by H.E.Rollins. V.1-2. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1958. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.

71.Keats, John. Poetry Manuscripts at Harvard. Facsimile edn / Ed. by Jack Stillinger. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1990. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.

72.The Keats Circle, Letters and Papers, 1816-1879 / Ed. by H.E. Rollins. V.1-2. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1964/5. URL: archive.org (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.

73.The Complete Poetical Works of John Keats. ed. Бакстон Форман. Издание Оксфордского университета, 1907. – 491 p. URL: rusneb.ru (дата обращения: 25.04.2022). – Текст: электронный.